

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III

Годъ десятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Желаніе уяснить себѣ смыслъ и происхожденіе народныхъ миѳовъ, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ привело ученыхъ нашего времени къ необходимости сравнительного метода въ этнографіи, а сравнивая между собою записи этнографического материала, добытаго отъ разныхъ народовъ земного шара, они неожиданно для себя натолкнулись на поразительное сходство всѣхъ сторонъ народной жизни не только у племенъ близкихъ между собою по языку, но и у такихъ, между которыми до тѣхъ порь ничего общаго не предполагалось.

Оказалось, что многіе миѳы, вѣрованья, обряды и обычай, которые прежде считались неотъемлемой принадлежностью какой-либо одной этнографической группы, имѣются въ такомъ же видѣ и у другихъ. Появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ международныхъ миѳовъ, международныхъ вѣрованій, международныхъ обычаевъ и т. д., число которыхъ чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ этнографическая изслѣдованія становятся глубже и область ихъ вѣдѣнія расширяется. Допло наконецъ до того, что въ настоящее время трудно указать какос-либо вѣрованье, какой-нибудь обрядъ, которые принадлежали бы исключительно одной этнографической группѣ и внѣ ея нигдѣ болѣе не встрѣчались.

Замѣчательно, что международная общность не ограничивается какой-либо одной стороной народной жизни, но охватываетъ положительно всѣ ея стороны, начиная съ религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ и кончая костюмами и мельчайшими деталями домашняго хозяйства.

Каждому образованному человѣку хорошо известно, напримѣръ, широкое распространеніе по земному шару культа огня, культа камня, культа деревьевъ, культа водяного божества, вѣры въ дурной глазъ, вѣры въ колдовство и проч. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи, приводимо у Тайлора, число народовъ земного шара, между которыми распространены малоизвѣстные и неизвѣстные обычаи. Такъ напримѣръ обычай называть отца по имени сына

найденъ у 34 народовъ, обычай, въ силу которого родственники мужа воздерживаются отъ разговоровъ съ родственниками жены—у 66 народовъ, обычай левирата—у 120 народовъ и т. д. (1).

Неоспоримый въ настоящее время для европейской науки фактъ существованія международныхъ вѣрованій, обычаевъ и проч. не могъ пройти не замѣченнымъ въ ученомъ мірѣ, ибо онъ до иѣкоторой степени противорѣчить установившимся въ цивилизованномъ обществѣ взглядамъ на историческое прошлое человѣчества, на происхожденіе его цивилизациіи, на прогрессивное развитіе человѣческихъ обществъ и пр. А потому очень естественно, что усиленія этнографовъ нашего времени направлены, во-первыхъ, къ выдѣленію всѣхъ тѣхъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч., которые могутъ считаться международными, а во вторыхъ къ выясненію причины ихъ происхожденія.

Но этнографической матеріяль разбросанъ въ десяткахъ цивилизованныхъ городовъ, въ сотняхъ библіотекъ и музеевъ, въ тысячахъ книгъ, изданныхъ чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, имѣющихъ письменность. Поэтому подѣлать весь собранный и изданный на земномъ шарѣ матеріяль даже по одному какому нибудь самому ничтожному вопросу немыслимо для одного человѣка. Вотъ почему вопросы о международныхъ вѣрованьяхъ во всѣхъ цивилизованныхъ центрахъ Европы принято разрабатывать коллективно. Въ этнографическихъ журналахъ западной Европы въ настоящее время можно найти не мало такого рода изслѣдованій. Кто-либо изъ этнографовъ даетъ иниціативу къ разработкѣ того или другого международного вѣрованія или обычая, указывая на его широкую распространенность, и вслѣдъ затѣмъ появляется цѣлый рядъ работъ по тому же вопросу, подъ однимъ и тѣмъ же заглавиемъ, принадлежащихъ людямъ различныхъ національностей, незнакомымъ между собой, живущимъ въ различныхъ городахъ иничѣмъ несвязаннымъ кромѣ сотрудничества въ одномъ и томъ же журналѣ и общей имъ всѣмъ любви къ знанію.

Въ нашихъ этнографическихъ журналахъ также попадаются подобнаго рода колективныя работы, но онѣ не бросаются въ глаза потому, что сравнительно рѣдки и не получили еще такой правильной организаціи, какъ за границей.

Что касается причинъ происхожденія международныхъ вѣрованій, то онѣ неизвѣстны, и западные ученые расходятся по этому поводу во мнѣніяхъ. Одни думаютъ, что человѣчество, одаренное отъ природы однообразной тѣлесной и психической организаціей, проходя по одному и тому же пути развитія, могло прийти совершенно независимо въ разныхъ мѣстностяхъ къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ и обычаямъ. Другие, наоборотъ, принимая въ расчетъ сложность психической жизни человѣка и безконечное разнообразіе природы

вообще, не допускаютъ мысли, чтобы одно и тоже весьма сложное вѣрованье могло быть воспроизведено въ мельчайшихъ подробностяхъ въ разныхъ концахъ земного шара совершенно независимо. Они допускаютъ передачу и распространеніе вѣрованій отъ народа къ народу и расходятся лишь въ указаніи путей, которыми такая передача могла совершиться. Одни ищутъ посредниковъ по передачѣ вѣрованій въ купцахъ, въ женахъ, похищавшихся изъ среды чуждыхъ племенъ, и наконецъ въ народностяхъ вродѣ цыганъ, ведущихъ бродячую жизнь. Другое передачу вѣрованій стараются объяснить передвиженіемъ народовъ и колонизацией въ доисторическія времена.

Такое разногласіе во мнѣніяхъ вполнѣ естественно, такъ какъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, еще очень мало изслѣдованъ. Чтобы пройти въ этомъ дѣлѣ къ какому-нибудь соглашенію нѣтъ другого средства какъ изучить спорный вопросъ въ его мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ одна изъ необходимости, заставляющихъ этнографовъ собирать международныя вѣрованья, обряды, обычаи и пр. и изслѣдовывать ихъ географическое распространеніе по земному шару. Но такихъ необходимости можно было бы насчитать очень много. Достаточно лишь припомнить, что ни одинъ обычай, ни одно вѣрованье нельзя сколько нибудь удовлетворительно понять и объяснить, не прослѣдивши ихъ варианты на возможно большемъ пространствѣ земного шара. Словомъ этнографической наукѣ предстоитъ решить неизбѣжную и весьма трудную задачу: изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ международныя вѣрованья и объяснить ихъ происхожденіе. Не решивши этой задачи, она не въ состояніи была бы продолжать свое движеніе впередъ.

Имѣя въ виду все сказанное, и мы, печатая настоящую статью, льстимъ себя надеждой, что она не будетъ лишнею въ ряду другихъ этнографическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, несмотря на то, что вопросъ, нами взятый, „Труба въ народныхъ вѣрованьяхъ“, самъ по себѣ весьма маловаженъ. Мы собирали все, что только могли достать по этому вопросу, но отнюдь не имѣли въ виду его исчерпать. Какъ уже было говорено выше, такое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ и долговѣченъ. Съ насть довольно и того, что вопросъ о трубѣ, незатронутый или почти незатронутый въ этнографической литературѣ, будетъ поднятъ, поставленъ на очередь и нѣсколько разъяснится темнота, его окружающая.

Трубою мы называемъ духовой музыкальный инструментъ, состоящий изъ плоскаго внутри цилиндрическаго или конического сосуда съ двумя отверстіями на двухъ концахъ его, однимъ широкимъ (раструбомъ), а другимъ малымъ, не превышающимъ площади рта (мундштучнымъ). Звукъ въ этомъ инструментѣ получается прохожденiemъ воздуха черезъ узкую щель

между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ малому, или мундштучному отверстю инструмента. Отъ инструментовъ изъ рода флейтъ трубы отличается во-первыхъ способомъ выдуванія звука. Въ этихъ послѣднихъ губы музыканта не накрываютъ мундштучного отверстія иnota происходитъ отъ разсѣканія струи воздуха объ острый край отверстія. Во вторыхъ труба не имѣеть какъ флейта дырочекъ для измѣненія тона перебираніемъ пальцевъ. Этимъ же послѣднимъ свойствомъ она отличается и отъ инструментовъ изъ рода гобоя и кларнета и сверхъ того отсутствіемъ вибрирующихъ тросточекъ и язычковъ, служащихъ для воспроизведенія звука въ этихъ двухъ послѣднихъ инструментахъ. Кромѣ того труба отличается отъ другихъ духовыхъ инструментовъ своимъ густымъ и сильнымъ звукомъ, слышимымъ съ далекаго разстоянія и тѣмъ еще, что она издаѣтъ очень мало звуковъ, разделенныхъ между собою интервалами, несравненно большими, чѣмъ въ остальныхъ духовныхъ инструментахъ. Это послѣднее свойство трубы до самыхъ новѣйшихъ временъ, когда она была усовершенствована, дѣлало ее непригодной къ воспроизведенію обыкновенныхъ мелодій, и потому труба не была инструментомъ музыкальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а преимущественно сигнальнымъ и религіознымъ, обстоятельство особенно увеличивающее интересъ къ этому инструменту съ точки зрѣнія этнографической.

записка
Раковины трубы.

Самой первобытной трубой человѣка былъ, вѣроятно, его собственный кулакъ. Замѣтивши, что кулакъ, приложенный ко рту, усиливаетъ звукъ голоса и нуждаясь въ такомъ усиленіи для сношенія съ себѣ подобными, человѣкъ естественно ищетъ въ окружающей его природѣ трубообразные предметы, способные по своей формѣ съ выгодой замѣнить его кулакъ. Такой предметъ онъ находитъ между крупными морскими раковинами и рогами животныхъ, и, вѣроятно, употребляетъ ихъ первоначально въ формѣ рупора или говорной трубы. Упражненіе съ такимъ рупоромъ и свистъ губами въ его узенькое отверстіе приводятъ человѣка къ открытію трубнаго звука. Несомнѣнно, что простѣйший и самый первобытный видъ трубы были именно морскія раковины и рога дикихъ или домашнихъ животныхъ, такъ какъ приготовить подобный инструментъ нѣтъ ничего легче, стоило только отбить тонкій конецъ раковины или отрѣзать тонкій конецъ рога. Очевидно, что раковины были приспособлены въ качествѣ инструментовъ впервые непремѣнно жителями странъ приморскихъ, тропическихъ или подтропическихъ, гдѣ встречаются крупныя раковины, а рога могли быть приняты и жителями странъ сухопутныхъ. То и другое случилось конечно въ очень отдаленныя отъ насъ

допсторическія времена, но что было принято ранѣе, рогъ или раковина, решить пока еще очень трудно. Намъ кажется, что вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, гдѣ была колыбель человѣческой цивилизациіи.

Изъ собраннаго нами здѣсь матеріала видно, что центромъ распространенія по земному шару раковинъ—трубъ, повидимому, нужно считать переднюю Индію.

Въ комментаріяхъ къ Ведамъ или Эзуръ-Ведамъ браминовъ въ числѣ инструментовъ, известныхъ древнимъ индурамъ, называется раковина—труба сонгъ (*çankha*), употреблявшаяся въ качествѣ музыкального инструмента браминами (2). Въ болѣе поздніяя времена, въ 1792 году, англійскій историкъ Краффордъ сообщалъ, что въ береговой полосѣ Индостана трубятъ въ древнюю трубу изъ раковины (3). Инструментъ этотъ существуетъ въ Индіи и до настоящаго времени (4). Въ Лондонскомъ India Museum сохра-
няется очень дорогая и рѣдкая коллекція изъ пяти индійскихъ раковинъ—трубъ, принадлежавшихъ, по народному преданію, пяти братьямъ Пандава; каждая изъ нихъ носитъ свое название:

1) *Ananda vijaya* (изъ рода *Triton*) съ бурыми и желтыми пятнами и полосками.

2) *Raundra* (родъ *Turbo*)—съ радужной жемчugoобразной поверхностью,

3) *Devadatta* (родъ—*Turbinella*)—блѣдая съ розовыми жилками, съ вырѣзанными на ней цветкомъ и почкой лотоса (см. табл. II, № 22),

4) *Sughosha* (родъ—*Rostellaria*)—бурая съ блѣдой внутренней поверхностью.

и 5) *Munipushraka* (родъ—*Trochus*)—съ радужной жемчugoобразной наружной поверхностью.

Кромѣ этой коллекціи раковинъ—трубъ въ томъ же музѣ есть и другія, также индійскія:

6) *Ananta vijaya* (родъ *Turbinella*) блѣдая съ вырѣзаннымъ на ней цветкомъ и почкой лотоса.

7) *Gomukha* (родъ *Cassis*) шероховатая съ неровной поверхностью, внутри желто-бурая.

8) *Vagataka* (родъ *Pterosuga*) тоже шероховатая съ пятью выдающимися желваками у края.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ раковинъ есть и въ Берлинскомъ музѣ. Но видомъ своимъ онѣ не всегда сходятся съ англійскими:

9) *Sughosha*—маленькая блѣдая (ср. съ № 4),

10) *Ananta widschaja*—желтая (ср. съ № 6),

- 11) Гомукха—совершенно одинаковая съ № 7,
- 12) Нагатака—желтая (название сходно съ № 8),
- 13) Санкха—небольшая бѣлая.

Въ Парижскомъ музей Guimet также выставлена одна совершенно бѣлая раковина—труба изъ Индіи, но безъ всякаго названія.

Мундштуки у всѣхъ этихъ раковинъ металлические и придалины къ отбитому острому концу ихъ. Ось мундштучной трубы совпадаетъ съ осью раковины.

Такія же раковины—трубы распространены во всѣхъ странахъ Азіи, гдѣ господствуетъ буддизмъ.

Въ Берлинскомъ музѣ есть одна бѣлая раковина изъ Бутана въ Гималаяхъ и такая же изъ Тибета.

Въ Кенсингтонскомъ музѣ сохраняются бѣлыя раковины изъ Китая. Есть онѣ, по словамъ нашего соотечественника, А. Поздѣева (5) и въ Монголіи въ буддійскихъ кумирняхъ подъ названіемъ дунъ-бурѣ или дунъ-гарѣ (по монгольски лабай), а также у бурята въ Забайкальи въ ихъ дацанахъ (храмахъ) (6) и у калмыковъ Европейской Россіи въ ихъ хурулахъ (кумирняхъ) (7).

Докторъ Мартенсъ въ своей статьѣ о трубахъ—раковинахъ (8) говоритъ, между прочимъ, о японскихъ трубахъ; онъ опредѣляетъ даже видъ ихъ: *Tritonis sauliae*. Въ Гамбургскомъ музѣ füg Kunst und Gewerbe выставлена японская раковина—труба подъ названіемъ ярапі-*sches Noga* (табл. II, № 25). Она относится къ 17 или 18 вѣку; длиною эта раковина до $\frac{1}{3}$ аршина, съ трубчатымъ серебрянымъ мундшту-комъ, украшеннымъ художественной рѣзьбой. По углубленіямъ раковины, идущимъ по спирали, она перевита серебряной проволочной цѣпочкой. Вся раковина покрыта золотымъ лакомъ, а на широкой ея части врѣзаны въ видѣ инкрустаций золотые японскія письмена. Кроме того двѣ японскія раковины—трубы, снабженныя мѣдными посеребренными мундштуками, есть и въ Лейпцигскомъ музѣ.

Изъ Лаоса (въ Индокитаѣ) бѣлая раковина—труба съ мѣднымъ мундшту-комъ сохраняется въ Парижскомъ музѣ Guimet (табл. II, № 24).

Далѣе раковины—трубы распространяются на островахъ Индійскихъ:

Съ мелкихъ острововъ около Явы въ Берлинскомъ музѣ есть три ра-
ковины съ такими же мундштуками, какъ и въ Индіи, но у раковинъ—
трубъ (Тагоэри, тагури или тагуніа) въ томъ же музѣ, принадле-
жащихъ племенамъ Альфуровъ, Сэрангъ, Горонгъ и туземцамъ острова Буру,
мундштука уже не имѣется, а вместо него устроено круглое мундштучное

отверстіе сбоку раковины. Туземцы острова Буру называютъ этотъ инструментъ *huit*.

Въ Австраліи раковины—трубы есть въ Меланезіи и Микронезіи, на О-вѣ Новая Гвинея, на О-хѣ Фиджи, Адмиралтейства, Гервей, Таити, Маркизовыхъ и Филиппинскихъ. Мѣстныхъ названий ихъ кромѣ будіонгъ (филиппинск. о-вѣ) намъ не удалось узнать.

Въ музеяхъ: Британскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ сохраняется 33 экземпляра Австралійскихъ трубъ—раковинъ, большинство которыхъ, также какъ и у Альфуровъ, имѣть мундштучное отверстіе сбоку и только у 8-ми (6 изъ Меланезіи, 1 съ О-вѣ Адмиралтейства и 1 съ О-вѣ Фиджи) отверстіе это въ самомъ тонкомъ концѣ, какъ въ Азіи. Диаметръ бокового мундштучного отверстія около 1-го дюйма. Трубящій въ раковину держить ее какъ флейту, т. е. раструбомъ въ бокъ. Губы свои, не смотря на то, что края мундштучного отверстія довольно осты, трубачъ прижимаетъ прямо къ поверхности раковины за исключеніемъ одного случая (съ О-вѣ Таити), гдѣ въ боковое отверстіе раковины вдѣланъ деревянный мундштукъ около ½ вершка длиной. Большинство Австралійскихъ раковинъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній за исключеніемъ двухъ, съ Маркизовыхъ острововъ, которые украшены веревками изъ человѣческихъ волосъ.

Въ Америкѣ раковины—трубы существовали у воинственныхъ краснокожихъ племенъ Центральной Америки еще до прихода туда Европейцевъ. Въ Парижскомъ музѣумѣ Гимет есть Мексиканская труба—раковина, сдѣланная впрочемъ не изъ настоящей раковины, а изъ глины (*terre cuite*) въ подражаніе виду раковины, причемъ съ тонкаго конца къ ней придали, какъ у Азіатскихъ трубъ, короткій трубчатый мундштукъ, а раструбу художникъ придалъ видъ раскрытый пасти какого-то звѣря (табл. I, № 2). По свидѣтельству миссіонеровъ 18-го столѣтія, труба изъ раковины *Strombus gigas* употреблялась въ старину и у негровъ на сахарныхъ плантацияхъ Вестъ-индскихъ острововъ (9). Въ Южной Америкѣ въ настоящее время уже не находять болѣе трубъ—раковинъ, но, по свидѣтельству Георга Мареграфа, въ 1640 г. онѣ еще были известны въ Бразиліи (10).

Въ Африкѣ труба—раковина известна только на о-вѣ Мадагаскарѣ (11) на материкѣ же ея вовсе не знаютъ. Одинъ экземпляръ Мадагаскарской раковины съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Австраліи, мы находимъ въ Парижскомъ музѣумѣ Трокадеро (табл. I, № 29).

Въ Европѣ этотъ инструментъ существовалъ у древнихъ грековъ подъ названіемъ *Leradas* (*λεπαδας*), о чёмъ упоминается у Гомера и у грамматика Аристофана (12), а у древнихъ римлянъ его называли *Viscina marginata* (13).

И до сихъ поръ еще трубы—раковины сохранились въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Есть онъ у простонародья въ Кампании, у рыбаковъ на островахъ Эльба и Сицилія (14), у пастуховъ Португаліи, (15) въ южной Франціи (изъ провинціи Alpes Maritimes есть одна раковина въ музей Трокадеро въ Парижѣ) и наконецъ у чешскаго простонародья (16). Чешскія трубы—раковины были выставлены на Пражской этнографической выставкѣ 1895 года. По описанію Фр. Рагека (17) онъ принадлежать къ роду *Fussus Medius*, бѣлыя съ свѣтло-красными пятнами. Мундштукъ у нихъ латунный вродѣ того, какъ у индійскихъ трубъ.

Трубы изъ роговъ животныхъ.

Распространеніе этихъ трубъ по земному шару нѣсколько шире, чѣмъ трубъ—раковинъ можетъ быть уже потому, что рога животныхъ матерьялъ болѣе доступный для человѣка, чѣмъ крупныя морскія раковины. Определить центръ ихъ распространенія представляется довольно затруднительнымъ, а потому мы начнемъ съ евреевъ, у которыхъ рогъ и по настоящее время считается священнымъ инструментомъ.

У древнихъ евреевъ еще въ книгахъ Моисея упоминаетъ рогъ шофаръ, который, по мнѣнію однихъ, приготавлялся изъ бараньего или воловьяго рога, сильно изогнутаго, а, по мнѣнію другихъ, изъ мѣди и серебра. Другой сортъ рога—трубы, менѣе изогнутой, назывался керевъ (18). Этой послѣдней трубы современные евреи уже не знаютъ, но шофаръ, сдѣланный изъ бараньего рога, имѣется въ настоящее время при каждой еврейской синагогѣ. У русскихъ евреевъ название его произносится въ разныхъ мѣстностяхъ различно: шоферь, шайфоръ, шефоръ, шуфарь и т. д. Что касается способа его приготовленія, то онъ предусмотрѣнъ въ Талмудѣ до мельчайшихъ подробностей и, хотя правила эти первоначально имѣли въ виду чистоту звука инструмента и удобства игры на немъ, но составители Талмуда, по ихъ обыкновенію, пересолили. Минимальной длиной для шофера, по Талмуду, принимается средняя ширина ладони взрослого человѣка. Натуральная форма рога не должна быть измѣнена, но дозволяется выбирать и прямые и изогнутые, послѣдніе впрочемъ считаются болѣе красивыми. Не дозволяется красить „шоферь“ или разрисовывать его красками, но гравированные и рѣзные рисунки дозволяются. Оковывать рогъ серебромъ или золотомъ дозволяется, но по извѣстнымъ правиламъ, а именно: между губами трубача и рогомъ не должно быть никакого посторонняго тѣла, мѣсто, за которое рогъ держится при игрѣ, также не должно быть ничѣмъ покрыто. Что касается материала для инструмента, то рекомендуется исключительно

бараній рогъ, воловій изгнанъ, потому что напоминаетъ „золотого тельца“. Требуется кромъ того, чтобы рогъ былъ цѣлый, безъ поврежденій, безъ трещинъ и не составленный изъ кусковъ (табл. III, літ. К).

Изъ другихъ азіатскихъ народовъ рога—трубы были у древнихъ Персовъ, (19) у древнихъ Армянъ подъ названіемъ *rog h eghnegnia* (20) и у древнихъ жителей восточного Туркестана (по Китайскимъ лѣтописямъ) (21).

Въ Индостанѣ еще въ 18 столѣтіи рогами пользовались горные жители (22).

Въ настоящее время въ Индіи известно нѣсколько родовъ роговыхъ трубъ.

1) *Sringa*—маленький воловій рогъ. Подъ такимъ названіемъ два почти одинаковые инструменты есть въ India museum и въ берлинскомъ (табл. II, № 19).

2) *Gangiam-Maa*. Коротенький коровій или бараній рогъ съ мундштукомъ на тонкомъ концѣ въ India museum (табл. II, № 20) и

3) *Tida*—маленький воловій рогъ, имѣющійся въ двухъ экземплярахъ въ Берлинскомъ музѣ.

Всѣ эти три рога по наружному виду мало отличаются другъ отъ друга, а потому можно думать, что это три экземпляра одного и того же инструмента, носящаго въ разныхъ частяхъ Индіи различные названія.

Нѣсколько отличается отъ нихъ рогъ Кондовъ изъ Ориссы (Khonds of Orissa) Британского музея, къ тонкому концу которого приделана мѣдная трубочка (табл. II, № 21).

Въ Бутанѣ (въ Гималаяхъ) есть: 1) труба Гунка изъ рога какого-то мѣстного животнаго съ раструбомъ изъ желтой мѣди, а 2) Маунг—кандинъ—тоже рогъ, но съ раструбомъ изъ другого, болѣе широкаго рога, соединеннымъ съ первымъ кожаннымъ кольцомъ. Оба эти инструмента имѣются въ Берлинскомъ музѣ.

Въ Парижскомъ музеумѣ Спіметъ есть еще воловій рогъ съ точенымъ мундштукомъ изъ южнаго Китая (табл. II, № 30).

О существованіи роговъ въ Сіамѣ и Японіи мы находимъ краткія замѣтки въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Далѣе въ Британскомъ музѣ есть труба изъ буйволового рога съ О-въ Индійского архипелага, а въ Берлинскомъ двѣ трубы изъ воловьяго рога съ мелкихъ острововъ около Явы.

Въ Австраліи трубы изъ роговъ нѣть по той простой причинѣ, что тамъ до прїѣзда Европейцевъ не было вовсе рогатаго скота.

Въ Америкѣ также не особенно сильно распространены такія трубы. Въ Лейпцигскомъ музѣ есть труба изъ воловьяго рога, изъ Сѣверной Америки.

но мѣстность и народъ, откуда она взята, не названы. Кромѣ того въ Берлинскомъ музѣѣ есть три рога изъ Юго-Западной Бразиліи и изъ мѣстности Бароро. Два изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ обыкновенныхъ охотничьихъ роговъ кромѣ того, что украшены птичими перьями и пучками конскихъ волосъ, а у третьяго въ его тонкій срѣзанный конецъ вставлена трубочка длиною около 7 дюймовъ, замѣняющая мундштукъ. Что касается мундштучныхъ отверстій, то у всѣхъ 4-хъ роговъ они сдѣланы въ концѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Въ Африкѣ рогъ былъ у древнихъ Египтянъ подъ названіемъ хну но точная форма его неизвѣстна, такъ какъ ни на какихъ рисункахъ онъ не сохранился, мы знаемъ его только потому, что рогъ этотъ былъ известенъ грекамъ подъ именемъ Египетскаго (23).

Рога изъ современаго Египта есть въ Кенсингтонскомъ музѣѣ: два водовыхъ, два изъ рога антилопы и одинъ сильно изогнутый изъ рога какого-то оленя.

Что касается остальной Африки, то въ музеяхъ Лейпцигскомъ, Берлинскомъ и Бременскомъ представлены 38 роговыхъ трубъ изъ всѣхъ концовъ Африки, а именно: 1) отъ Нильскихъ племенъ: Вакуафи, Масаевъ и Вандороббо, 2) изъ страны озеръ и государства Нямъ-Нямъ въ восточной Африкѣ, 3) отъ племенъ: Ваганда, Банту, Суагелли, зулусоподобныхъ народовъ: Багеге, Мафити, Маситу и Вайяо и племени Ushashi, изъ Центрально-Африки и 4) изъ западной, отъ народовъ: Того, Габунъ и туземцевъ Золой того Берега.

Любопытной особенностью всѣхъ Африканскихъ роговъ, отличающихъ ихъ отъ роговъ другихъ частей свѣта, является расположение ихъ мундштучного отверстія не въ концѣ рога, а сбоку, также какъ въ трубахъ—раковинахъ Австраліи. Такъ что музыкантъ держитъ здѣсь рогъ какъ наши флейтисты, т. е. раструбомъ въ бокъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, Африканскихъ роговъ только одинъ (народовъ Банту) составляетъ исключеніе: у него тонкій конецъ рога срѣзанъ и туда вставленъ обыкновенный чашкообразный костяной мундштукъ. Матерьяломъ для трубъ этого рода служать рога всевозможныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ: коровъ, барановъ, козловъ, оленей, антилопъ и проч. Одни изъ нихъ совершенно прямые, другіе согнуты въ дугу, третыи свернуты въ спираль, наконецъ четвертые изогнуты неправильно или змѣйкой. Длина ихъ въ обдѣланномъ видѣ колеблется отъ 6 вершковъ до $1\frac{1}{2}$ аршина.

Одна изъ этихъ трубъ (изъ Восточной Африки) съ очевиднымъ намѣреніемъ удлинить ее была составлена изъ двухъ роговъ, вставленныхъ одинъ

въ другой и соединенныхъ въ стыкъ кожаннымъ кольцомъ совершенно такъ, какъ вышеупомянутый рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ).

Украшения на такихъ рогахъ встречаются не часто. Они состоять иногда изъ рубцовъ, вырѣзанныхъ въ формѣ различныхъ фигуръ, въ другомъ случаѣ обтягиваются кожей съ шерстью или обматываются спирально узенькой полоской листовой мѣди или мѣдной проволокой.

Что касается Европы, то въ ней рога — трубы были повсемѣстны, они существовали у древнихъ грековъ подъ названіемъ *keras*, у римлянъ *corno*, у французовъ *corne*, у немцевъ и англичанъ *horn*, у скандинавовъ *lulg* (24), у славянъ — рогъ. Въ этнографической литературѣ есть указанія, что кое-гдѣ во Франціи (напр. въ Пуату), еще до сихъ поръ сохранились трубы изъ козлиныхъ (25), а у англичанъ (26) и чеховъ (27) воловыхъ роговъ.

Въ Россіи намъ удалось узнать о существованіи до настоящаго времени трубъ изъ воловыхъ роговъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ. (въ волостяхъ Мѣдянской и Ратайчицкой) и въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., бараньихъ — въ Брестскомъ уѣздѣ (въ вол. Мѣдянской) и козлиныхъ — въ Пинскомъ уѣздѣ (въ с. Столинѣ).

У литовцевъ рога-трубы существовали въ древности. Такъ въ 1809 г. крестьянинъ Мариампольского уѣзда въ полѣ, недалеко отъ лѣваго берега Нѣмана, нашелъ вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ мѣдный обручъ, которымъ былъ когда-то окованъ литовскій военный рогъ. Самый рогъ сгнилъ, но обручъ сохранился прекрасно. Судя по всѣмъ признакамъ, находка эта относится къ 13-му вѣку (28). Есть рогъ и у нашихъ латышей подъ названіемъ „чах“, какъ это можно было видѣть на Рижской этнографической выставкѣ 1896 года. Наконецъ, трубы изъ воловыхъ роговъ есть и у черемисъ Царевококшайского уѣзда Казанской губ., какъ сообщилъ мнѣ братъ мой, Н. Мошковъ, служащій въ той мѣстности учителемъ. Въ тонкій конецъ черемисскаго рога вставляется оловянная трубочка вершка въ 3 длиною.

Рога изъ берцевой кости человѣка.

Эти рога существуютъ исключительно въ Азіи. Прежде всего мы встрѣчаемъ ихъ въ Индостанѣ. Для образованія канала берцевая кость человѣческой ноги разверливается вдоль по оси, а такъ какъ она оканчивается двумя яблоками, раздѣленными между собою впадиной, то внутренній каналъ трубы также развѣтвляется на два, давая по одному выходному отверстию (раструбу) въ каждомъ яблокѣ. Иногда такая кость, ничѣмъ болѣе не укрѣплена и неукрашена, прямо поступаетъ въ пользованіе музыканта (*India museum*), а иногда мундштучное отверстіе укрѣпляется мѣдной оковкой.

середина же кости, за которую инструментъ держится при игрѣ, чтобы она не пачкалась, обтягивается кожей. Такой индійскій костяной рогъ длиною въ 14 д. есть въ Кенсингтонскомъ музѣ.

Совершенно такой же рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ) подъ названиемъ Конгъ-тунъ выставленъ въ Берлинскомъ музѣ.

Есть такія трубы и въ Тибетѣ, гдѣ онѣ называются Конъ-донъ. Два экземпляра ихъ безъ всякихъ украшеній можно видѣть въ Лейпцигскомъ музѣ и одинъ въ Парижскомъ музѣ Guimet, кромѣ того въ этомъ послѣднемъ есть одинъ такой же Тибетскій рогъ съ мѣдной оковкой посрединѣ и съ раструбомъ изъ листовой мѣди на концѣ.

Два экземпляра того же рога есть въ Берлинскомъ музѣ съ мѣднымъ мундштукомъ безъ всякихъ другихъ оковокъ и два — въ Лейпцигскомъ, обточенные снаружи, съ серебрянымъ мундштукомъ и съ серебрянымъ раструбомъ въ видѣ открытой пасти дракона.

Такія же трубы существуютъ въ Монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ подъ названіемъ Ганъ-линъ. По описанію г. А. Позднѣева, трубы эти, также какъ и Тибетскія, окованы серебромъ. Два отверстія раструба называются у монголовъ „лошадиными ноздрями“, а звукъ Ганъ-лина долженствуетъ напоминать собою ржаніе миѳического коня. „Ачжинай-моринъ“ (29).

Трубы изъ слоновыхъ клыковъ.

Такія трубы мы чаще всего находимъ на Африканскомъ материкѣ, родинѣ слоновъ. А кромѣ того путемъ торговли слоновая кость занесена была въ западную Европу, гдѣ изъ нея въ старину также приготавливали рога.

Намъ пришлось видѣть въ разныхъ музеяхъ западной Европы Африканскіе рога изъ слоновой кости въ числѣ 81 штуки. Европеецъ, привыкшій съ понятіемъ о слоновой кости соединять представление о чёмъ-то въ высшей степени изящномъ, былъ бы сильно разочарованъ, увидавъ рога, приготовленные изъ этого материала Африканскими неграми. Начать съ того, что некоторые изъ нихъ имѣютъ не обыкновенный, желтовато-блѣлый цвѣтъ слоновой кости, а весьма некрасивый на видъ грязновато-красный цвѣтъ. Существуетъ ли въ Африкѣ особая порода слоновъ съ клыками такого цвѣта или ихъ такъ окрашиваются искусственно, намъ не удалось узнать.

Для приготовленія трубы берутъ или цѣлый клыкъ, длина котораго доходитъ до $2\frac{1}{4}$ арш., или отпиливаютъ отъ тонкаго его конца кусокъ не короче $\frac{1}{4}$ аршина. Наружная поверхность такого клыка чаще всего сохраняетъ свой природный видъ и форму, изрѣдка только украшается она первобытнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ рубцовъ или бороздъ прямыхъ и

кривыхъ, образующихъ очень незамысловатые узоры. Еще рѣже покрывается она грубыми рѣзными изображеніями людей и животныхъ. Внутренняя часть клыка съ большимъ трудомъ выдалбливается долотами, начиная съ толстаго его конца. Но даже въ короткихъ рогахъ внутренній каналъ рѣдко доходитъ до самой острой оконечности клыка, онъ кончается гораздо раньше и принимаетъ въ себя поперечный каналъ, ведущій въ мундштучное отверстіе. Въ рогахъ изъ цѣльнаго клыка или изъ большаго куска его (около 1 аршина длиной) такой каналъ, по трудности его обработки, обыкновенно даже не доходитъ далѣе половины длины всего клыка и здѣсь также заканчивается боковымъ мундштучнымъ отверстіемъ (табл. I, № 4).

Остальная часть клыка никакого канала внутри себя не имѣть и только придаетъ рогу излишнюю тяжесть.

Повидимому, работа съ выдалбливаніемъ канала внутри слонового клыка настолько груба и настолько трудна для африканскихъ негровъ, что клыкъ иногда не выдерживаетъ ея и раскалывается. Это видно по некоторымъ экземплярамъ роговъ, у которыхъ толстый конецъ станутъ грубымъ желѣзнымъ или мѣднымъ обручемъ или обшить кожей, чтобы закрыть трещины въ клыкѣ.

Грубо выдолбленный, не гладкій и неправильной формы внутренній каналъ рога вмѣстѣ съ боковымъ расположениемъ мундштучного отверстія, заставляющимъ звуковыя волны изгибаться подъ прямымъ угломъ, совершенно измѣняетъ обычновенный звукъ трубы и дѣлаетъ его глухимъ, грубымъ и потрясающимъ, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ путешественники по Африкѣ (30).

Неумѣніе выдолбить каналъ рога и опасеніе, что стѣнки его при малой толщинѣ могутъ расколоться во время самой работы, заставляютъ африканскихъ трубныхъ мастеровъ оставлять эти стѣнки какъ можно толще, что также увеличиваетъ тяжесть рога. И дѣйствительно вѣсъ такого рога, по разсказамъ путешественниковъ, доходитъ иногда до 30 фунтовъ (31).

Чтобы облегчить вѣсъ инструмента мастера уменьшаютъ иногда толщину его стѣнокъ, состругивая кость по наружной поверхности, уже послѣ того какъ продолбленъ его внутренній каналъ, но при этомъ оставляютъ утолщеніе вокругъ мундштучного отверстія, придавая ему болѣе или менѣе правильную форму (табл. I, №№ 11 — 20). Самое отверстіе имѣть то форму круга, то овала, то ромба, то прямоугольнаго четыреугольника съ закругленными углами.

Къ растробу рога изъ слоновой кости иногда придѣзываютъ деревянный резонаторъ, который въ мѣстѣ его соединенія съ рогомъ обтягиваютъ кожанымъ кольцомъ.

Къ числу украшеній такихъ роговъ нужно отнести обтягиванье ихъ чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы. Кромѣ того они украшаются различными привѣсками. Такъ напримѣръ, одинъ рогъ изъ южнаго Конго украшено привѣской изъ нижнихъ челюстей человѣка.

Образцы Африканскихъ роговъ изъ слоновой кости есть въ музеяхъ Британскомъ, Кенсингтонскомъ, Парижскомъ (Трокадеро), Берлинскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Бременскомъ. Они собраны со всего Африканского материка: 1) въ современномъ Египтѣ, 2) у племенъ Сѣверо-восточного Африки: Момбутту, Уганда, Нямъ-Нямъ, Бубу и Ябиръ, 3) въ восточной Африкѣ у племенъ: Ваганда, Люнду, Ангола, Уссекума и на берегахъ рѣки Замбезе, 4) въ Центральной: у племенъ Судана, по верхнему Конго, у племени Арувими (по среднему Конго), по Южному Конго, у племенъ: Адамауа, Мури, Вукари и Видахъ (Whydah), 5) въ западной Африкѣ: въ Бафсанѣ, по рѣкѣ Нигеру, у племени Вутэ и Янгуана, въ восточномъ Камерунѣ, у туземцевъ Золотого берега и 6) въ южной Африкѣ: у Бечуановъ.

Въ Европѣ рога изъ слоновой кости подъ названіемъ олифанта (oliphant) очень часто упоминаются въ историческихъ памятникахъ съ начала 12-го до конца 14-го вѣка. Название ихъ производятъ отъ слова Elephant (слонъ). Въ отличіе отъ Африканскихъ, Европейскіе рога изъ слоновой кости были дорого стоявшими, высоко художественными произведеніями, такъ какъ наружная поверхность ихъ побрыгалась тончайшей рѣзьбой. Они въ свое время служили знакомъ отличія у коронованныхъ особъ, военноначальниковъ, рыцарей и вообще знатныхъ лицъ и носились на особой перевязи на шеѣ. Образчиковъ средневѣковаго олифанта не мало сохраняется въ храмахъ и музеяхъ западной Европы. Изъ нихъ особенно знамениты: 1) Олифантъ Тулусского музея, который, по преданію, принадлежалъ Роланду и употреблялся имъ въ битвѣ съ сарацинами при Ронсевалѣ (31 А), 2) Олифантъ Карла Великаго, хранящійся въ сокровищницѣ Аахенскаго собора, который, по преданію, былъ присланъ Императору Франковъ въ знакъ дружбы Гарунъ-аль-Рашидомъ и 3) Роскошный экземпляръ олифанта, сохраниющейся въ Вѣнской Императорской сокровищнице, въ которой будто бы трубили въ сраженіи съ гуннами при Лехфельдѣ въ 955 году (32).

Деревянныя трубы, камышевые и изъ березовой коры.

Трубы этого рода ведутъ свое происхожденіе отъ доисторическихъ временъ и распространены по всему земному шару. У евреевъ еще во времена библейскія была прямая труба Хазозра или Асосра (chatzotzeroth). приготовлявшаяся между прочимъ и изъ дерева. Изображеніе этой трубы

сохранилось въ проходѣ у триумфальной арки римскаго Императора Тита (33). Еврейскіе историки подробно описываютъ „хазозру“. По словамъ ихъ, длина этого инструмента была въ локоть; онъ былъ прямой и тонкій съ чашкообразнымъ мундштукомъ и съ раструбомъ (34).

Въ Индіи деревянныя трубы сравнительно рѣдки; къ нимъ относятся:

1) Туда, прямая, вершковъ въ 6 длиной, которую можно видѣть въ Берлинскомъ музѣѣ и

2) Труба Вѣнскаго Натижеиша, изогнутая въ видѣ буквы S, состоящая изъ 4 колѣй и оканчивающаяся плоскимъ тарелкообразнымъ раструбомъ.

Экземпляръ Сіамской деревянной трубы сохраняется въ Берлинскомъ музѣѣ; она сдѣлана въ формѣ рога и имѣетъ деревянный, чашкообразный мундштукъ.

Въ музѣѣ Напрстка (въ Прагѣ) есть прямая бамбуковая труба изъ Голландской Индіи около $1\frac{3}{4}$ арш. длиной и около 4 д. въ діаметрѣ.

Если мы прибавимъ ко всему этому, что деревянныя трубы еще сохранились у Мингрельцевъ въ Закавказье и что древнимъ грекамъ была известна Мидійская труба изъ тростника (35), то вотъ и вся мѣстности Азіи, въ которыхъ были или есть до настоящаго времени деревянныя трубы. Надо думать, что трубы эти когда-то были очень распространены по Азіатскому материку, но позже, по неудобству дерева, какъ материала для трубъ, были замѣнены металлическими.

Изрѣдка попадаются деревянныя трубы также въ Австралии. Такъ въ Британскомъ музѣѣ есть такая труба съ О-ва Новая Зеландія около $2\frac{1}{2}$ арш. длиною (табл. I, № 31). Она имѣеть около 1 дюйма въ діаметрѣ у мундштука и, постепенно утолщаясь, доходитъ до 5—6 д. у раструба. Вся труба туто обмотана тоненькой веревочкой за исключеніемъ 6 дюйм. отъ раструба и $1\frac{1}{2}$ д. отъ мундштука, гдѣ на ея наружной поверхности вырѣзано грубое изображеніе человѣческаго лица. Раструбъ оканчивается 6 глубокими зубцами. Кромѣ того въ этнографической литературѣ упоминается труба изъ древеснаго корня у папуасовъ Новой Гвинеи (36) и бамбуковая труба въ Полинезіи (37).

Въ Америкѣ деревянныя трубы преобладаютъ надъ всѣми другими, о旣ъ прямые, но принадлежать къ двумъ главнымъ типамъ: 1) Трубы одинакового діаметра по всей длине или съ постепенно увеличивающимся діаметромъ и 2) Трубы, состоящія изъ двухъ, соединенныхъ между собою, трубъ разнаго діаметра, узкой со стороны мундштука и широкой со стороны раструба.

Къ первому типу принадлежитъ во-первыхъ труба съ полуострова Флориды, изображенія у О. Кометтана (38). Кромѣ того въ Берлинскомъ музѣѣ

представлены двѣ трубы индійского племени Мундруку съ нижнаго течения рѣки Амазонки, называющіяся на мѣстномъ нарѣчіи „Турэ“. Одна изъ нихъ длиною около 1-го, а другая около 2-хъ аршинъ, обѣ украшены перьями. Но это еще сравнительно короткія трубы, гораздо длиннѣе ихъ (около $3\frac{1}{2}$ арш. длины при діаметрѣ около 2 дюйм.) встрѣчаются въ Венецуэлѣ и Бразиліи. Эти послѣднія оканчиваются небольшимъ деревяннымъ растрѣбомъ. Венецуэльскихъ трубъ два экземпляра можно видѣть въ Лейпцигскомъ и въ Берлинскомъ музеяхъ, Бразилійскую же—только въ Лейпцигскомъ.

Такія же тонкія и прямыя, но еще болѣе длинныя трубы существуютъ въ Чили. Въ Лейпцигскомъ музѣѣ есть двѣ Чилійскія трубы около 3 арш. длиной, двѣ около 4 арш. и одна, самая длинная,—до 2-хъ саженъ. Сдѣланы эти трубы изъ бамбука и обмотаны снаружи или тонкимъ и гибкимъ тростникомъ или, также какъ въ Новой Зеландіи, тоненькой веревочкой. Самая длинная кромѣ того обтянута чѣмъ то бѣлымъ прозрачнымъ вродѣ пергамента. Другая особенность Чилійскихъ трубъ—это ихъ растрѣбы или резонаторы изъ короткихъ воловыхъ роговъ, плотно прикрепленныхъ къ концу трубы. Мундштучные отверстія этихъ трубъ сдѣланы, также какъ въ Европѣ и въ Азіи. Для этого тонкій ихъ конецъ срѣзывается перпендикулярно къ оси или, если нужно получить отверстіе побольше,—наискосъ.

Прямыя деревянныя трубы второго типа, т. е. съ утолщеніемъ въ передней части, встрѣчаются только въ Южной Америкѣ. Въ Британскомъ музѣѣ есть труба съ сѣверо-восточного берега Южной Америки около $\frac{3}{4}$ арш. длины, обвитая въ двухъ мѣстахъ тростникомъ (табл. I, № 10). Такой же формы труба есть въ Вѣнскомъ музѣѣ (Naturhistor. Hofmuseum) около $1\frac{1}{2}$ арш. длины изъ Банива, въ Бразильской Колумбіи (табл. I, № 1). Въ Пражскомъ музѣѣ Напрѣтка есть такая же труба съ рѣки Атабапу отъ индійскихъ племенъ: Банива, Аранэри и Кароцана (табл. I, № 9). На мѣстномъ нарѣчіи она называется „Батуто“. Наружная поверхность ея украшена птичьими перьями, причемъ въ надписи сказано, что украшеніе это меняться всякий разъ, когда труба передъ ея употребленіемъ размачивается въ водѣ.

Кромѣ перечисленныхъ деревянныхъ трубъ, имѣющихъ мундштучное отверстіе такое же какъ въ Европѣ и Азіи, въ сѣверо-восточномъ углу Южной Америки мы находимъ деревянныя трубы съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Африкѣ. Сюда принадлежать двѣ трубы Пражского музея Напрѣтка (около $2\frac{1}{2}$ арш. длиной), которые на мѣстномъ нарѣчіи называются „Япуруру“. Они происходятъ изъ мѣстности Манаусъ на рѣкѣ Ореноко.

Первая изъ этихъ трубъ украшена перьями, а вторая множествомъ

круглыхъ черныхъ пятенъ. Тамъ же есть труба подъ названиемъ „Спокота“ такого же вида какъ двѣ предыдущія, но немножко покороче.

Кромѣ того въ Вѣнскомъ музѣ есть три трубы съ такимъ же боковымъ мундштучнымъ отверстиемъ: одна прямая около $1\frac{1}{4}$ арш. длины изъ мѣстности Rio-Тапайозъ въ Бразиліи (табл. I, № 3), другая въ видѣ бутылки изъ Rio Канома (тамъ же) (табл. I № 7), а третья прямая, тонкая съ раструбомъ, изъ высушенной тыквы на концѣ изъ Мундрука (табл. I № 8). Обѣ послѣднія около $1\frac{1}{2}$ арш. длиною.

Въ Африкѣ деревянные трубы встрѣчаются въ Аббисиніи. Онѣ здѣсь называются по—эфіопски (на мертвомъ, книжномъ языке) также какъ у евреевъ „керенъ“, а по амгарски (т. е. на современномъ языке) „мелекета“ (melleketa) или „мелекеть“. По преданию, инструментъ этотъ былъ привезенъ Менеликомъ, сыномъ царицы Савской изъ Іудеи, какъ подарокъ отъ Іудейского царя Соломона. Въ настоящее время его приготавливаютъ изъ тростника съ внутренними діаметромъ менѣе $\frac{1}{2}$ дюйм., а длиною въ 5 ф. 4 д. На одномъ концѣ этого длиннаго стебля укрѣпленъ раструбъ или резонаторъ изъ выдѣленной и высушенной тыквы, которая обсажена по наружной поверхности мелкими бѣлыми раковинами. Вся труба тую обтянута пергаментомъ и издаетъ только одинъ громкій, грубый и внушающій страхъ тонъ Е (39).

Кромѣ того прямые деревянные трубы встрѣчаются у туземцевъ на берегахъ Бѣлаго Нила (длиною около 1 арш. при діаметрѣ раструба около 4 д. въ музеумѣ Guimet въ Парижѣ). Съ береговъ той же рѣки, отъ народа Динка, были присланы деревянные трубы, обтянутыя кожей, на Парижскую выставку 1867 года (40). У народа Уганда (сѣверо-восточной Африки) также употребительны прямые деревянные трубы, обтянутыя чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы (около 1 арш. длины въ Берлинскомъ музѣ). У народа Мандingo (въ Западной Африкѣ) совершенно такія же прямые, обтянутыя кожей трубы, какъ и въ Восточной Африкѣ (длина тоже 1 арш. въ Берлинскомъ музѣ). Нѣсколько отличаются отъ вышеупомянутыхъ инструментовъ прямые деревянные трубы народа Уссукума (изъ Восточной Африки), которая по своей длине (свыше 2 аршинъ) и по устройству приближаются къ Аббисинскимъ. Онѣ также сдѣланы изъ тростника и снабжены раструбами изъ высушенной тыквы или просто деревянными (въ Берлинскомъ музѣ, смотр. табл. I, №№ 26 и 27).

У всѣхъ перечисленныхъ пяти трубъ мундштучное отверстіе, также какъ и у остальныхъ африканскихъ инструментовъ этого рода, дѣлается на боковой поверхности трубы.

Самыми длинными изъ Африканскихъ деревянныхъ трубъ нужно считать

инструменты центральной Африки, въ Багтирии, которые по разсказамъ путешественниковъ, доходятъ до 8 фут. длиною (41).

Если отъ Африки мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что у древнихъ грековъ и римлянъ въ ихъ цветущія времена деревянныя трубы уже вышли изъ употребленія и были замѣнены металлическими. Правда, у грековъ была одна труба тростниковая, но самое название ея, „Мидійская“ (42), говоритъ о чужеземномъ происхожденіи этой трубы.

Средневѣковая Европа наслѣдовала свои трубы отъ римлянъ; большинство ихъ были металлическія, кромѣ Виссіпы одинакового названія съ римской, которая иногда приготавлялась изъ дерева, хотя чаще была металлической (43).

Что касается современной западной Европы, то въ ней инструментальная техника доведена до совершенства и нѣтъ въ настоящее время уголка, где бы не было оркестра, нѣтъ оркестра, въ которомъ бы не участвовала труба, и потому казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ жизни западного европейца нѣтъ уже болѣе мѣста для архаической деревянной трубы, а между тѣмъ она кое-гдѣ еще сохранилась. Такъ напримѣръ во Французской этнографической литературѣ упоминается деревянная труба бурлюаръ (бульоіг) въ Бурбонѣ (44). Одинъ экземпляръ ея хранится между прочимъ въ Парижскомъ музѣѣ Трокадеро; она дѣлается изъ букового дерева и бываетъ длиною болѣе 1 фута, а толщиною въ руку.

Кромѣ того деревянные трубы подъ названіемъ Alpenhorn сохранились еще до сихъ поръ въ некоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, гдѣ они приготавляются изъ еловаго дерева. Одну изъ такихъ трубъ намъ удалось видѣть въ Лаутербруненѣ при подъемѣ на Венгернъ-Альпъ. Она была аршина 2 длиной, прямая, съ огромнымъ раструбомъ. Старикъ швейцарецъ построилъ себѣ будку на той дорогѣ, по которой проходили путешественники, и всякий разъ, какъ они показывались, выходилъ на встрѣчу и трубилъ. Путешественники слушали звуки, издаваемые трубой, осматривали ее и самого игрока въ его оригиналномъ старинномъ костюмѣ, давали ему мелкія монеты и шли далѣе. Въ Парижскомъ музѣѣ Трокадеро есть одинъ экземпляръ Альпенгорна около 2 сажень длиной, снаружи обмотанный спирально липовой корой. На самомъ концѣ, около раструба, онъ отогнутъ въ сторону (табл. I № 21), а въ другой конецъ его вставленъ мундштукъ изъ твердаго дерева.

Въ Германіи тоже кое-гдѣ сохранились длинныя деревянныя прямые трубы. Такъ въ Нюрнбергскомъ историческомъ музѣѣ есть девъ вѣмецкія трубы, сдѣланыя изъ лубка и оплетенные снаружи берестой. Диаметръ ихъ у мундштука около 1 дюйма и несколько увеличивается къ раструбу. Раструбъ сдѣланъ въ видѣ маленькой воронки и въ самой широкой части имѣеть около 2 дюйм. въ поперечнике. Длина одной изъ этихъ трубъ 3 арш.

10 верш., а другой около 3 арш. Онъ еще только недавно сданы въ музей, а до тѣхъ поръ сохранялись въ городской ^{кальварии} ратушѣ и выносились оттуда въ особо-торжественныхъ случаяхъ для участія въ разнаго рода процессіяхъ.

У норвежскихъ крестьянъ также до сихъ поръ употребляются деревянныя ольховые трубы (45).

Изъ числа славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ такія трубы у сербовъ-лужичанъ. Въ Пражскомъ этнографическомъ музѣе сохраняется одинъ экземпляръ такой трубы длиною въ 14 верш. съ коническимъ раструбомъ, она совершенно прямая и снабжена мѣдной кольцеобразной оковкой по серединѣ длины. По словамъ надписи это послѣдній и единственный экземпляръ лужицкой трубы.

Есть деревянныя трубы и у Угорскихъ славянъ. Два экземпляра ихъ представлены въ Пражскомъ музѣе Напретка, обѣ прямые въ 1 $\frac{1}{2}$ аршина и 1 $\frac{3}{4}$ арш. длиной. Одна изъ нихъ обмотана берестой.

У Гуцоловъ (русскихъ горцевъ Галиціи) существуетъ два вида деревянныхъ трубъ: одна пастушеская длиною около 7 вершковъ, изогнутая въ формѣ рога, а другая для обрядовъ прямая длинная около 4 аршинъ длины называется тромбета или трембита. Таковы образчики этихъ трубъ, выставленные въ Пражскомъ музѣе Напретка; трембита залита внутри смолой, а снаружи обмотана берестой.

У Поляковъ-горцевъ изъ Татровъ (Часть Карпатскихъ горъ) деревянная труба прямая около 1 $\frac{1}{4}$ арш. длины на деревянномъ каркасѣ сплетена изъ бересты (Пражскій музѣй Напретка).

У Поляковъ Царства Польского, также какъ у Гуцоловъ, деревянныхъ трубъ различаютъ два сорта: 1) Тромба, пастушеская 2) Лигавка или Легавка, труба обрядовая. Послѣдняя отличается отъ первой своей большой длиной и вставнымъ мундштукомъ изъ твердаго дерева, котораго у тромбы вовсе не имѣется.

Слово тгава—общевроцкое, однозвучное съ русскимъ труба, чешскимъ тговба, нѣмецк. Тгопретте, французск. тгопрете и т. д. Что же касается слова ligawka или legawka, то происхожденіе его темно и потому даетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ. Въ польскомъ словарѣ дѣнностей (46) его производятъ отъ польск. Leganie—лежаніе, такъ какъ при длинѣ легавки отъ 2 до 3 локтей она слишкомъ тяжела, чтобы можно было играть на ней безъ опоры, а потому при игрѣ ее обыкновенно кладутъ или опираютъ объ заборъ. Вотъ почему, думаетъ авторъ, это название и не предается обыкновеннымъ короткимъ пастушескимъ трубамъ.

Но это объясненіе кажется намъ маловѣроятнымъ: намъ удавалось видѣть много польскихъ легавокъ и всѣ онъ не превосходили 4 футъ въ длину, а

при такой длине, какъ намъ приходилось также не разъ убѣждаться на опыте, трубы эти вовсе не нуждаются въ опорѣ. Длинные же трубы, доходящія до 7 футъ и дѣйствительно нуждающіяся въ опорѣ, встречаются не у поляковъ, а у малороссовъ Сѣдлецкой губ. и Полѣсъя, гдѣ ихъ называютъ не легавками, а трубами.

Другое объясненіе того же слова далъ извѣстный знатокъ польской рѣчи и этнографъ г. І. Карловичъ. Первоначально онъ производилъ слово *ligawka* а отъ латинскаго *liga*—родъ шнура, такъ какъ труба эта связана вицами или шнурками (47). Но позже имъ было найдено другое, какъ намъ кажется, болѣе вѣроятное объясненіе того же слова отъ латинскаго *ligula* или *lingula*, уменьшит. отъ *ligna* (итальянск. *lingua*, *linguetta*)—мундштукъ. И дѣйствительно шнурами или вицами стягивается не только лигавка, но и тромба, вставной же мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева считается у польского простонародья отличительной особенностью лигавки.

Лигавка, какъ мы увидимъ ниже, соединена у польского простонародья, съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ вѣрованій и обычаевъ, а потому является настолько выдающимся явленіемъ въ польской народной жизни, что она не разъ уже была описываема въ польской литературѣ. Сюда относится прежде всего замѣтка въ польскомъ повременному изданіи, нынѣ уже не существующемъ, *Kmiotek* (48), въ которой описывается устройство лигавки и способъ ее приготовленія, принятаго въ Ломжинской губ. въ особенности въ Замбровскомъ приходѣ.

Другую замѣтку о лигавкѣ помѣстилъ въ этнографическомъ журналѣ *Wisla* (49) г. І. Карловичъ по поводу народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, экспонированныхъ на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Авторъ приложилъ къ своей замѣткѣ даже рисунокъ двухъ лигавокъ, представленныхъ на выставку, и краткое ихъ описание.

Наконецъ третья замѣтка есть въ словарѣ польскихъ древностей (50), о которомъ мы уже упоминали раньше. Здѣсь говорится, что естествоиспытатель 18-го вѣка, Клюкъ, въ своемъ сочиненіи о растеніяхъ упоминаетъ, что въ его время лигавки дѣлались изъ осины и вербы. Передается тамъ также, что лигавка издаетъ рядъ звуковъ: *g, c, e, g, c, a, g, c*, и т. д.

Два экземпляра этого инструмента, одинъ изъ дер. Дембовина Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губ. (табл. III, лит. D) а другой изъ мѣст. Стардынь Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. (табл. III, лит. A), намъ удалось приобрѣсти для этнографического музея Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ. Это—труба около 4 локтей въ длину слегка изогнутая; подъ названіемъ лигавки она известна въ Ломжинской губерніи и въ

Польскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ.: Венгровскомъ, Соколовскомъ, Гарволинскомъ и Сѣдлецкомъ. Въ Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, у русского населенія, труба совершенно такая же какъ въ Ломжинской губерніи (табл. IV, лит. А), но называется не легавкой, а трубой; название же легавка, хотя известно здѣшнему народу, но считается „*шляхетскимъ*“^{источник}. Въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. эта труба значительно измѣняется по своему виду и размѣрами много превосходитъ польскую трубу легавку (табл. V, лит. А, изъ Варшавского этнографического музея). Впрочемъ, такія трубы въ настоящее время становятся большою рѣдкостью и замѣняются *рѣзкими* жестяными. Во Влодавскомъ уѣздѣ трубы такія же какъ и въ Бѣльскомъ или же сплетенные изъ бересты.

Въ Брестскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи деревянные трубы совершенно прямые, длиною до $1\frac{1}{2}$ сажень; тоже самое и въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губ. Въ этомъ послѣднемъ мы приобрѣли для этнографического музея Императорской Академіи двѣ деревянные трубы: одну изъ села Козляковичи (табл. V, лит. Г), а другую изъ с. Бережное (табл. III, лит. В). Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ. трубы короче, мы приобрѣли одну изъ нихъ въ с. Давидъ-Городокъ (табл. III, лит. Б).

Далѣе на востокъ длинныя трубы около сажени длиной, обмотанныя берестой, какъ мы узнали изъ распросовъ, встрѣчаются еще въ д. Зимница Быховскаго уѣзда Могилевской губ.

Въ Минскомъ уѣздѣ въ д. Цна (подъ Минскомъ) пастухи дѣлали прежде короткія деревянныя трубы, но теперь замѣнили ихъ жестяными.

Изъ Свѣнцянского уѣзда Виленской губ. есть деревянная труба въ Варшавскомъ этнографическомъ музѣ (табл. V, лит. Е). Деревянныя трубы латышей представлены были на Рижской этнографической выставкѣ. Здѣсь кромѣ обыкновенныхъ прямыхъ деревянныхъ трубъ, стянутыхъ обручами изъ вицъ или обвитыхъ берестой были еще трубы, сложенные вдвое, на подобіе фагота. Всѣ такія трубы у латышей известны подъ общимъ названіемъ таиге.

О существованіи деревянныхъ трубъ въ Великороссіи мы собрали свѣденія только изъ слѣдующихъ мѣстностей: Орловская губ., Сѣверная часть Черниговской губ., Тверская, Костромская, Владимірская, Московская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Олонецкая и Архангельская.

Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губ. деревянныя трубы дѣлаются такой же формы какъ въ Южной Америкѣ, т. е. въ видѣ бутылки, состоящей изъ двухъ трубъ: тонкой въ сторону мундштука и большаго діаметра въ сторону растрuba.

Экземплярь Олонецкой трубы мы представили въ музей Императорской

Академії Наукъ: она изогнута на подобіе мѣдныхъ трубъ и оплетена берестой (табл. V, лит. I).

Если направиться еще далѣе на востокъ, то деревянныя трубы (и адѣлтимпут), аршина въ полтора, длиною мы найдемъ у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи. Такія же трубы (пупо), длиною въ 2—3 аршина, есть и у черемисъ Казанской губ. Царево-кокшайскаго уѣзда (табл. IV, лит. Б).

Въ древнія, доисторическія времена труба была для человѣка первымъ телеграфомъ, устанавливавшимъ сношенія между людьми на такихъ разстояніяхъ, на которыхъ голосъ человѣческій не долеталъ. Отсюда понятно важное значение того разстоянія, съ котораго звукъ этого инструмента становился слышнимъ. Изъ практики же съ трубами—раковинами и рогами человѣку не трудно было убѣдиться, что разстояніе, съ котораго слышна труба, тѣмъ больше, чѣмъ звукъ ея ниже, а слѣдовательно, чѣмъ она длиннѣе. Но естественная длина роговъ и раковинъ имѣть свой предѣлъ. Было у человѣка одно средство удлинить рогъ, это—складывать по иѣсколько роговъ вмѣстѣ, надѣвая одинъ на конецъ другого, какъ это мы видѣли въ Бутанѣ и въ восточной Африкѣ. Но здѣсь являлось новое препятствіе: трудность плотнаго герметического соединенія между собою роговъ. Это-ли препятствіе или что-либо другое было тому причиной, но, за исключеніемъ немногихъ единичныхъ попытокъ, человѣкъ пренебрѣгъ вышеупомянутымъ средствомъ и рѣшилъ, оставивши рога животныхъ и раковины, обратиться къ другому материалу, бывшему у него подъ рукой, къ дереву, которое давало возможность дѣлать трубу несравненно болѣе длинной. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при камышѣ или бамбукѣ, природа давала человѣку стволъ съ готовой трубообразной внутренней пустотой, оставалось только срѣзать такой стволъ и употреблять его какъ трубу. Но подобные пустые внутри стволы не вездѣ можно найти, а потому человѣку пришлось приготовлять ихъ искусственно. Операцию эту продѣлываютъ въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Такъ, напримѣръ, у французовъ сердцевину ствола выжигаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ стержнемъ (51). Но этотъ способъ удобенъ только при короткихъ и тонкихъ трубахъ. Несравненно удобнѣе другой способъ, практикующійся въ Царствѣ Польскомъ и въ Польсѣи. Стволъ дерева распилюютъ въ длину на двѣ равныя половины, въ каждой половинѣ особымъ полукруглымъ стругомъ вырѣзаютъ полуцилиндрическій желобъ, затѣмъ обѣ половины ствода складываютъ вмѣстѣ и стягиваютъ обручами изъ вицъ, спиралью навернутыми камышемъ, лыкомъ, берестой или желѣзными обручами. Наконецъ, третій способъ привѣтъ въ Швейцаріи: берутъ узенькія полосы такъ-называемаго бочечнаго, т. е. выструганного очень тонко, дерева, вымачиваютъ ихъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ пріобрѣтутъ надлежащую степень гибкости.

ств, и тогда складывают въ трубу, представляющую изъ себя правильный прямой конусъ, который затѣмъ стягивается обручами (52). Но этотъ способъ самый трудный, такъ какъ требуетъ специальной работы, чисто бочарной, да еще притомъ тонкой и замысловатой.

Всякому, играющему на трубѣ, известно, что стѣнки этого инструмента, чтобы выдуть изъ него тонъ ясный, чистый и звонкій, должны быть вполнѣ непроницаемы для воздуха. Малѣйшая щель въ стѣнкахъ, даже незамѣтная для невооруженного глаза, дѣлаетъ звукъ трубы сплюснутымъ, неяснымъ и глухимъ и кромѣ того, требуетъ отъ игрока сильнаго напряженія легкихъ. Дерево же въ этомъ отношеніи самый неблагодарный материалъ, такъ какъ, высыхая, обязательно даетъ трещины, какъ бы ни было оно прочно. Чтобы устранить это важное неудобство, придумывались весьма различныя средства. Такъ, напримѣръ, въ южной Америкѣ, у насъ въ Сѣдлецкой губерніи и въ Польши трубу всякий разъ передъ игрой кладутъ въ воду и даютъ ея дереву набухнуть. При этомъ волокна расширяются въ поперечномъ направлении и затягиваютъ всѣ мелкія щели. Во-вторыхъ, какъ это намъ приходилось лично наблюдать въ Ломжинской губерніи, трубятъ только зимой и преимущественно въ морозные дни. Трубачъ стоитъ возлѣ колодца, обмакнетъ трубу въ воду и даетъ ей замерзнуть, а потомъ трубить; когда же стѣнки трубы отогрѣются отъ теплого воздуха, въ нее вдуваемаго, игра простоянавливается, труба снова подвергается дѣйствію мороза и т. д. Съ той же целью внутренность трубы заливаютъ расплавленной смолой или обтягиваютъ снаружи лыкомъ, гибкимъ тростникомъ, берестой, пергаментомъ или кожей. Но всѣ эти средства являются паліативами, такъ какъ устраняютъ трещины временно, окончательно же устраняетъ ихъ только замѣна дерева металломъ.

Получивъ возможность удлинять трубу по произволу, человѣкъ сталъ доводить ее до минимума, но при этомъ натолкнулся на новыя препятствія. Съ удлиненiemъ инструмента прежде всего увеличился вѣсъ его, что отнимало у трубы ея портативность, кромѣ того, въ прямыхъ и длинныхъ трубахъ получилось невыгодное распределеніе тяжести при игрѣ. Игра на очень длинныхъ трубахъ, какія мы видѣли въ Южной Америкѣ, невозможна безъ подпорокъ или безъ помощи другихъ людей. Эти неудобства должны были или остановить человѣка въ погонѣ за низкимъ звукомъ на извѣстныхъ очень небольшихъ предѣлахъ или подвинуть его къ новымъ усовершенствованіямъ въ области трубной техники. И дѣйствительно, одни уменьшали до минимума толщину стѣнъ трубы и ея діаметръ, другие облегчали вѣсъ трубы, замѣня дерево болѣе легкимъ материаломъ, какъ лыко, береста и кожа. Кожаныя трубы мы встрѣчаемъ, напримѣръ у древнихъ галловъ (53), а берестяныя — у галиційскихъ поликовъ, у латышей и великороссовъ. Третьи стали приго-

тovлять кривыя трубы, выбирая для нихъ изогнутые куски дерева и тѣмъ уменьшали общую длину инструмента. Но дерево рѣдко даетъ очень крутые изгибы, да и приготовление трубы изъ такихъ сильно изогнутыхъ кусковъ становится затруднительнымъ. Если же взять дерево слегка изогнутое, какъ это дѣлаютъ поляки для своихъ „лигавокъ“, то такая мѣра ощущительного удобства не принесетъ. Гораздо практиче оказалось ломать деревянную трубу на куски и складывать ихъ такъ, какъ складываются въ настоящее время стволы фаготовъ и контръ-фаготовъ. Такія трубы, какъ было упомянуто выше, дѣлаютъ латыши. Однако, при складываніи колѣнъ трубы вѣроятно трудно было соединять концы ихъ, а потому такая труба, какую мы видимъ у латышей, представляетъ собою большую рѣдкость. Несравненно легче было изгибать мягкія трубы изъ кожи или бересты, какъ это мы видимъ у великороссовъ Олонецкой губерніи. Но такія трубы встречаются тоже не особенно часто вѣроятно по трудности всегда имѣть подъ рукой изобиліе бересты. Словомъ и здѣсь полное устраненіе препятствій стало возможнымъ для человѣка только съ замѣною дерева, какъ материала для постройки трубы, металломъ.

Трубы металлическія.

Хотя металлическія трубы должны были явиться на свѣтъ какъ усовершенствованіе трубъ-раковинъ, роговъ и деревянныхъ и, следовательно, позже всѣхъ другихъ трубъ, но начало этого инструмента уходитъ также въ доисторическія времена. Дѣйствительно, мѣдныя или бронзовыя трубы найдены въ раскопкахъ въ Европѣ, въ Азіи и въ Америкѣ. Въ Европѣ раньше всѣхъ была открыта знаменитая труба Копенгагенскаго музея, происхожденіе которой относится къ бронзовому періоду. Эта труба длиною въ 7 футъ, отлитая изъ двухъ кусковъ, была найдена въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія въ одномъ изъ могильныхъ холмовъ Шлезвига. Рядомъ съ нею помѣщалась низкая могила, обложенная плоскими камнями, съ остатками: одѣжъ изъ шкуръ животныхъ, полотняной ткани, деревянныхъ сосудовъ, бычачихъ роговъ и проч. Труба эта прекрасно отлита изъ сплава 0,9 мѣди съ 0,1 олова, звукъ ея низкій, ровный и звонкій, мундштукъ широкій, а раструбъ плоскій какъ тарелка. Сама она изогнута въ видѣ буквы S съ такимъ разсчетомъ, чтобы обвивала тѣло трубача и въ то время, когда мундштукъ приходился противъ его рта, раструбъ былъ обращенъ назадъ. Сначала, предполагали, что труба эта была привезена въ Данію съ востока въ готовомъ видѣ, но позже должны были признать, что она чисто мѣстнаго, датскаго происхожденія. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ трубой, въ томъ же курганѣ, были

найдены и другие предметы, отлитые изъ одного съ иею металла, и остатки тѣхъ материаловъ, изъ которыхъ производилась отливка. Кроме того, въ разныхъ мѣстностяхъ Ютландіи и Шлезвига были найдены многие предметы, отлитые подобнымъ же образомъ и изъ того же материала, вмѣстѣ съ формами, въ которыхъ производилась отливка и вмѣстѣ съ такими вещами, отливка которыхъ была неокончена (53). Позже таѢя же трубы много разъ находили въ Германской почвѣ, въ Мекленбургѣ и въ Швеціи; рисунокъ одной изъ нихъ, взятый у Вейса (54), мы помѣщаемъ на табл. VI № 1. Экземпляръ такой трубы есть между прочимъ, и въ Берлинскомъ музѣѣ füг Völkerkunde. Г. Мендель (55) въ своемъ музыкальномъ словарѣ говорить, что бронзовые трубы встречаются въ раскопкахъ кромѣ S-образной еще и въ формѣ, подражающей обыкновенному воловьему рогу. Этую последнюю трубу считаютъ даже древнѣе Коленгагенской. Тамъ же, гдѣ были найдены мѣдные трубы, открыта была каменная плита, на которой вырѣзана цѣлая сцена жертвоприношенія, сопровождаемаго танцами и игрой на трубахъ (56).

Кромѣ бронзовыхъ трубы при раскопкахъ въ Шлезвигѣ былъ найденъ также „золотой рогъ“ съ фигурными украшеніями по наружной поверхности и съ рунической надписью по краю растрuba (57).

Въ Индо-Китаѣ, въ Бирмѣ, была также откопана бронзовая труба длиною въ 2 аршина, которая, подобно европейскимъ трубамъ, имѣетъ форму буквы S, но состоитъ не изъ двухъ кусковъ, какъ въ Европѣ, а изъ 4-хъ. Эта труба хранится въ Парижскомъ музѣумѣ Gurmé (табл. II № 27). Мѣдные трубы находили также и въ Америкѣ въ раскопкахъ по берегамъ рѣки Миссисипи (57 А).

Какого рода были древнія Американскія мѣдныя трубы, мы не знаемъ, но европейскія и бирманскія приготовлялись отливкой по кускамъ, затѣмъ куски складывались и спаивались. Такой способъ приготовленія металлическихъ трубъ принадлежитъ глубокой древности, въ наши времена онъ уже почти не практикуется, такъ какъ отливкой никогда нельзя получить такого-легкаго инструмента съ такими тонкими и плотными стѣнками, какъ сгибаниемъ изъ листовой мѣди, полученной проковкой или прокаткой. Однако, металлическія трубы, приготовленныя отливкой, попадаются еще кое-гдѣ въ народномъ употребленіи и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, въ Индіи есть труба S-образной формы, сходная почти до полнаго тожества съ бирманской, она называется Комбее и экземпляръ ея можно видѣть въ Лондонскомъ India museum. Но такія трубы даже въ Индіи не часты. Такъ изъ множества Индійскихъ металлическихъ трубъ, сохранившихся въ Европейскихъ музеяхъ, кроме вышеупомянутой Комбее, есть только одна въ томъ же India museum подъ названіемъ Комбу, которая изогнута по дугѣ вродѣ

нашей валторны и состоитъ изъ 12, отлитыхъ изъ бронзы, колѣнь, спаянныхъ между собою (табл. II, № 29). Хотя форма ея отличается отъ Кошвее, но близость названія даетъ право предполагать, что Кошви или Кошвее въ Индіи называются вообще трубы отлитыя, въ отличие отъ согнутыхъ изъ листовой мѣди.

Всѣ металлическія трубы по ихъ формѣ можно раздѣлить на прямыя и согнутыя. Между прямыми различаются два сорта: 1) трубы постепенно расширяющіяся отъ мундштука въ раструбу, 2) покожія формою на бутылку съ выбитымъ дномъ, т. е. состоящія изъ двухъ короткихъ прямыхъ трубъ различного діаметра, соединенныхъ между собою.

Начнемъ съ прямыхъ первого сорта и обратимся прежде всего къ Индіи, отличающейся особеннымъ обиліемъ металлическихъ трубъ. Сюда относятся:

1) Nyasataganga—мѣдная труба длиною около 1 ф. 2 д., представленная въ двухъ экземплярахъ въ Гамбургскомъ музѣ (табл. II, № 2). Она очень близка по своему названію виду и размѣрамъ въ:

2) Nyasataganga, серебряной трубы India museum, длина которой 1 ф. 3 д. (табл. II, № 6),

3) Наватча—мѣдная труба въ формѣ рупора или говорной трубы длиною около 1 ф. 9 д. (Берлинск. муз.),

4) Tittagi—труба изъ Мадраса, представленная въ двухъ экземплярахъ въ India museum, одинъ — около 1 ф. 10 д. длиной, а другой—болѣе 2 ф. 4 д. (табл. II, № 5); эта труба упоминается въ словарѣ Менделея подъ именемъ Титаге (58),

5) Труба оттуда же безъ названія въ томъ же музѣ длиною 2 ф. 4 д. (табл. II, № 6),

6) Труба изъ Непала той же длины и того же музея (табл. II, № 3),

7) Нонг—съ широкимъ раструбомъ, длиною около 3 ф. въ Берлинскомъ музѣ (табл. II, № 12),

8) Вопи—изъ Ориссы мѣдная труба съ деревяннымъ мундштукомъ, дл. 3 ф. 8 д. (India mus.),

9) Каха—длина 4 ф. 6 д. (Берлинск. муз.)

и 10) Тагаи—изъ Мадраса длиною 9 ф. $3\frac{1}{2}$ д. Кенсингтон. муз. (табл. II, № 4).

Послѣдняя труба, какъ кажется, одно и тоже, что Таге или Ramsinga, упоминаемая въ музыкальномъ словарѣ Г. Менделея (59) и у Амброса (60), длину ея г. Мендель опредѣляетъ въ 2 метра.

Въ Тибетѣ нѣть никакихъ трубъ кроме прямыхъ; повидимому, изогнутия трубы не дозволяются тамъ обычаемъ. Самая короткая изъ нихъ, сохранившаяся въ Кенсингтонскомъ музѣ, имѣеть 6 вершковъ длины, у неї из-

сколько сплюснутый раструбъ. Затѣмъ слѣдуетъ Hwang teih длиною до 18 дюйм. съ раструбомъ въ видѣ разинутой пасти дракона (Кенсингтонск. муз.). Точно такого же вида два экземпляра трубы около $\frac{1}{2}$ аршина длиной есть въ Лейпцигскомъ музѣ. Онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ латуни. Труба музея Гимет имѣеть до $1\frac{1}{4}$ аршина длины (табл. II, № 14). Труба Слагъ-дунъ Гамбургскаго музея изъ красной мѣди имѣеть $2\frac{1}{4}$ арш. длины. Оковки у нея изъ желтой мѣди, мундштукъ тарелкообразный, діаметръ раструба 5 д. (табл. II, № 26). Точно такія же дѣвѣ трубы есть въ Лейпцигскомъ музѣ и дѣвѣ въ Берлинскомъ. Еще болѣе длинная трубы до 1 сажени въ длину изъ красной мѣди съ оковками изъ латуни можно видѣть въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ музѣ. Наконецъ, самая длинная изъ Тибетскихъ трубъ до $2\frac{1}{2}$ саженъ длины при діаметрѣ раструба 10 дюйм. хранится въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ и въ 4-хъ въ Берлинскомъ музѣ. Всѣ онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ бѣлаго металла, украшенными тисненымъ орнаментомъ. Около раструба къ нимъ приклепаны бляшки съ кольцами для подвѣшиванія инструмента къ потолку храма.

Въ буддійскихъ кумирняхъ Монголіи, по описанію г. Поздѣева, есть также длинные мѣдные трубы буръ около 1 сажени длиною, т. е. такія же какъ и въ Тибетѣ (61).

Повидимому длинные, прямые, мѣдные трубы составляютъ незѣжную принадлежность буддійского богослуженія, потому что онѣ есть и у калмыковъ въ Европейской Россіи (62).

Нашъ путешественникъ, г. Грумъ-Гржимайло, упоминаетъ про такія же трубы въ западномъ Китай и называетъ ихъ за исполинскіе размѣры іерихонскими (63). Китайскихъ прямыхъ трубъ въ Европейскихъ музеяхъ представлено несолько сортовъ; въ отличие отъ Тибетскихъ онѣ дѣлаются преимущественно изъ желтой листовой мѣди (латуни) и имѣеть очень тонкій, ровный по своей длине, стволъ около $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ д. въ діаметрѣ. Такихъ трубъ есть одна въ Кенсингтонскомъ музѣ, длиною 4 ф. 2 д. (табл. II, № 7), дѣвѣ въ Луврскомъ и по одной въ музеяхъ Гимет, въ Лейпцигскомъ (табл. II, № 8) и въ Берлинскомъ ($1\frac{1}{2}$ аршина длины). Сюда же нужно отнести прямую, но болѣе короткую (2 фут.) трубу Кенсингтонскаго музея, названную однимъ именемъ съ Тибетской Hwang teih, а также трубу Берлинскаго музея Ля-па (около 1 арш. длины).

Экземпляръ, похожій съ виду на китайскія прямые трубы длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина подъ именемъ „Японской трубы“, Раппа (Рарра), представлена въ Берлинскомъ музѣ.

У Таранчинцевъ въ восточномъ Туркестанѣ, по описанію Н. М. Пан-

тусова, есть прямая мѣдная труба, называемая Карнай, длиною 5 футъ, съ раструбомъ до 10 дюйм. въ діаметрѣ (64). У киргизовъ эта труба известна подъ именемъ керней (65).

Кромъ того, прямыя металлическія трубы были и у древнихъ Ассириевъ, какъ показываетъ рисунокъ на одномъ изъ древнимъ барельефовъ (66) и существуютъ по сіе время у современныхъ персовъ (длиною въ человѣческій ростъ) (67), у грузинъ подъ именемъ „буки“ (68) и у сванеть (69).

О прямыхъ древне-еврейскихъ трубахъ хазозра или асосра мы уже говорили при описаніи деревянныхъ трубъ, а потому здѣсь остается только напомнить, что трубы эти кромъ дерева дѣлались изъ мѣди и серебра.

Къ еврейской хазозрѣ очень близка Египетская длинная труба; музыкальными историками она считается даже праородительницей еврейской трубы, аббиссинской, римской, этрусской и греческой (70). Справедливо ли такое предположеніе, мы не знаемъ, да это для нась и не важно, несомнѣнно только то, что всѣ шесть перечисленныхъ трубъ очень сходны между собою, иначе не было бы смысла искать для нихъ одну общую праородительницу. Кромъ длинной трубы у Египтянъ существовала еще другая тоже прямая, но короткая, вродѣ нашего рупора.

Въ древней Европѣ прямая металлическая труба была у римлянъ подъ названіемъ Тиба, у грековъ подъ названіемъ Аргивской (71) и у кельтовъ подъ именемъ Кагпіх; у послѣдней раструбъ дѣлался въ видѣ раскрытой пасти животнаго (72). Въ средніе вѣка, какъ видно изъ историческихъ документовъ, хроникъ, древнихъ стихотвореній и рисунковъ тѣхъ временъ, въ западной Европѣ между множествомъ различныхъ трубъ встрѣчалась и римская тиба и, производная отъ нея, *tubestā*, но была тамъ и своя прямая очень длинная труба, известная подъ именемъ *Salphinx* (73).

Въ восточной Европѣ прямые и длинные металлическія трубы, похожія на римскую, были также известны съ незапамятныхъ временъ, о旣 изображены на фрескахъ катакомбъ, открытыхъ въ Керчи въ 1841 году. Фрески эти приписываются, какъ известно, сарматамъ (74). Къ восточной же Европѣ нужно отнести турецкую и татарскую прямые трубы, которые были представлены на Парижской выставкѣ 1867 года (74 А). Польскія и русскія прямые же, но не мѣдныя, а жестяныя трубы мы разсмотримъ отдельно.

Къ прямымъ бутылкообразнымъ трубамъ принадлежитъ Индійская труба Ринчамата Атти — изъ Мадраса (табл. II, № 11), тонкая и болѣе короткая ея часть имѣть 1 д. въ діаметрѣ, а толстая около 4 д. (въ Кенсингтонскомъ музѣѣ), экземпляръ такой же трубы изъ Китая есть въ музеяхъ Луврскомъ (табл. II, № 10), Гнімет (въ Парижѣ), Британскомъ, Берлинскомъ (длин. около 1 арш.) и Гамбургскомъ (1 арш. 2 вершк., табл. II,

№ 15). Отъ индійской китайская труба отличается тѣмъ, что у нея тонкая часть длиннѣе утолщенной.

Такія же трубы были въ средніе вѣка и въ Европѣ, судя по древнимъ рисункамъ и образцу, видѣнному нами въ Пражскомъ Национальномъ музѣѣ (табл. II, №№ 6 и 25).

Между прямymi и изогнутыми трубами переходную форму составляютъ такія, у которыхъ раструбъ отогнутъ въ сторону или назадъ; онъ напоминаетъ собою курительную трубку. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, китайскія мѣдныя трубы, которая значится въ спискѣ древнихъ инструментовъ, составленномъ Китайскимъ императоромъ-меломаномъ, Кангъ-хи, жившимъ въ концѣ VII вѣка по Р. Хр. (75). Совершенно одинаковые экземпляры этого рода китайской трубы имѣются въ Луврскомъ музѣѣ, въ музѣѣ Guimet (въ Парижѣ), въ Британскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ (табл. II, № 9).

Такія же трубы существовали въ средніе вѣка въ западной Европѣ, какъ это видно изъ рисунковъ въ Кутногорской библіи 1489 года и изъ другихъ рисунковъ того же времени (табл. I, № 23) (76). Къ тому же типу трубъ принадлежалъ и римскій *lituus*, у которого раструбъ отогнутъ въ сторону. Одинъ экземпляръ этой трубы былъ найденъ въ Англіи при очисткѣ рѣки Витамъ, около Таттерсала въ Минкольнширѣ. Онъ былъ мѣдный, но со слѣдами позолоты, длиною въ 4 фута, составной изъ 3 колѣнъ (табл. VI, №№ 3 и 4) (77).

Дальнѣйшій переходъ къ современнымъ европейскимъ, сильно изогнутымъ трубамъ, составляютъ трубы свернутыя по дугѣ круга, у которыхъ мундштукъ почти сходится съ раструбомъ. Изъ Индійскихъ трубъ сюда принадлежитъ, кроме вышеупомянутаго Комби, двѣ трубы *India museum*:

1) *Rana Singa*—изъ листовой мѣди, составленная изъ 5 колѣнъ, длиною въ 1 ф. 10 д., раскрашенная разными яркими красками (табл. II, № 18).

и 2) Труба безъ названія, составленная также изъ пяти колѣнъ и украшенная красными и желтыми рисунками.

Сюда же нужно отнести римскую металлическую трубу Согпи, которая первоначально приготавлялась изъ рога животныхъ, а позже изъ бронзы. Размеры этой трубы были весьма значительны, а потому она укрѣплялась прямой металлической поперечиной, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и ручкой, за которую ее носилъ музыкантъ. Изображеніе ея можно видѣть на барельефахъ колонны Траяна (78). При дальнѣйшемъ сгибаніи такой трубы каналъ ея образуетъ болѣе чѣмъ полную окружность, раструбъ съ мундштукомъ разойдется въ противоположныя направленія, а если при этомъ загибъ ея еще вѣ сколько сплющенъ, то и получится современная европейская труба.

О трубахъ этой посѣдѣнной формы въ Европѣ, образцомъ которыхъ можно

считать нашъ современный военный рожокъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ выходитъ уже изъ области этнографіи и относится чѣликомъ къ исторіи Европейской музыки, но необходимо указать на трубы такого же вида у другихъ народовъ земного шара. Казалось бы, что перейти отъ формы римского согна къ современному европейскому корнету не было ничего легче; оставался лишь одинъ ничтожный шагъ, но между тѣмъ этотъ шагъ не переступилъ ни одинъ изъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра, ни Египтяне, ни Евреи, ни Ассирийцы, ни древніе Греки, ни даже Римляне. Кромѣ Европейцевъ XV-го вѣка его сдѣлали только Арабы и жители Индостана. Дѣйствительно арабская труба Нэфиръ оказалась настолько близка къ современной Европейской, что среди историковъ музыки возникъ даже вопросъ, не заимствовали ли Европейцы форму своей современной трубы отъ Арабовъ. Что касается Индіи, то тамъ есть нѣсколько сортовъ такихъ трубъ:

1) Двѣ трубы India museum изъ Мадраса одна около $\frac{3}{4}$ арш. длины изъ 4-хъ колѣнъ (табл. II, № 17), а другая около 1 аршина длиною изъ трехъ,

2) Vanga — такая же труба длиною около 1 арш. (тамъ же и оттуда же) (табл. II, № 23),

3) Тигл — изъ 6 колѣнъ, разрисованная красной, желтой и черной красками, длиною 2 ф. $\frac{3}{4}$ д. (тамъ же),

и 4) Сагнал — труба Непала длия. около $1\frac{1}{2}$ арш. (Берлинскій музей) (табл. II, № 13).

Чтобы закончить перечень всѣхъ сортовъ металлическихъ трубъ необходимо еще упомянуть о трубахъ изогнутыхъ волнообразно или въ видѣ змѣйки. Въ Индіи такихъ трубъ мы знаемъ только двѣ:

1) Труба изъ Непала въ India museum длиною около 1 арш. изогнутая только 2 раза (табл. II, № 16)

и 2) Наскѣхіна — въ Берлинскомъ музѣ, изогнутая нѣсколько разъ (табл. II, № 28).

Въ Европѣ этимъ трубамъ соответствуетъ средневѣковый Серпентъ, название котораго происходитъ отъ „змѣи“. Намъ случилось видѣть три образчики этого инструмента: одинъ въ Нюрнбергскомъ музѣ, другой въ Чешскомъ Национальномъ, а третій на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Онъ дѣлся и изъ металла и изъ дерева (табл. I, № 28).

Всѣ пречисленные здѣсь металлическія трубы принадлежать исключительно Европѣ и Азіи, что же касается остальныхъ частей свѣта, то въ Америкѣ кромѣ замѣтки о мѣдныхъ трубахъ, открытыхъ при раскопкахъ, мы вошли никакихъ намековъ на металлическія трубы, ни въ литературѣ, ни въ

осмотренныхъ нами, музеяхъ западной Европы. Въ Австралии также не было металлическихъ трубъ до пріѣзда туда Европейцевъ. Что касается Африки, то, кромѣ металлическихъ трубъ древняго Египта, мы находимъ бронзовыя литыя трубы у негровъ Южнаго Конго; въ Берлинскомъ музѣи ихъ есть 3 экземпляра. Всѣ онѣ короткія и приготовлены въ формѣ воловыхъ роговъ съ мундштучнымъ отверстиемъ сбоку. Наружная поверхность этихъ трубъ украшена орнаментомъ.

Надо замѣтить, что, приготавляя металлическія трубы, человѣкъ старался формой ихъ подражать болѣе раннимъ своимъ трубамъ изъ раковинъ, изъ роговъ или изъ дерева. Такъ, напримѣръ, у римлянъ была мѣдная прямая труба, подражавшая своимъ видомъ раковинѣ. Также, какъ эта послѣдняя, она называлась *биссина* (табл. VI, № 2). Другая римская труба, известная подъ тѣмъ же названіемъ, была сильно изогнута и имѣла большой растрѣбъ (табл. VI, № 5). Римское согни подражало рогу животныхъ, прямая *Туба*—деревянной трубѣ, а *литиус*—деревянной трубѣ съ роговымъ растрѣбомъ (см. рисунокъ).

Этимъ же обстоятельствомъ, намъ кажется, возможно объяснить, почему буддисты въ Тибетѣ при своемъ богослуженіи держатся исключительно прямыхъ трубъ. Вѣроятно этимъ трубамъ предшествовали деревянныя, которыхъ почти не встрѣчаются другого вида, кромѣ прямыхъ, а современные металлическія трубы Тибета очевидно подражаютъ своей формой деревяннымъ.

Трубы жестяные.

Эти трубы мы помѣщаемъ отдельно отъ мѣдныхъ потому, что онѣ принадлежать новѣйшему времени, такъ какъ и самый материалъ для нихъ, жесть—произведеніе техники новѣйшихъ временъ. Несмотря на свою новизну, жестяные трубы могутъ имѣть этнографическій интересъ; онѣ дѣлаются не для высшихъ классовъ народа, а исключительно для деревенской бѣдноты и появляются только тамъ, гдѣ уже и раньше существовали трубы или роговые или деревянныя, взамѣнъ этихъ послѣднихъ. Жестянную трубу намъ приходилось встрѣчать только у славянъ. Чешскій экземпляръ такой трубы, сохранившися въ частной коллекціи профессора Варшавскаго университета, Ф. И. Гезберы, изъ Брезницы, Писецкаго округа, представленъ нами на фотографическомъ снимкѣ (табл. V, літ. О). Сюда же относится труба русскихъ галичанъ изъ восточныхъ Карпатъ въ музѣи Напрестка въ Прагѣ (табл. I, № 30). Въ Царствѣ Польскомъ намъ случилось видѣть жестянную трубу подъ названіемъ *тромба* у пастуховъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города Соколова, (въ дер. Воевудка) и въ окрестностяхъ города Плоцка, кромѣ того

она входитъ понемногу въ употребленіе взамѣнъ деревянной трубы въ уѣздахъ Радивскомъ и Влодавскомъ, Сѣдлецкой губ. Въ Россіи намъ известно существоаніе въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ гор. Рѣчицѣ Минской губ., въ ближайшихъ окрестностяхъ города Минска (табл. V, літ. M и N), въ м. Шкловѣ, Могилевской губ., въ окрестностяхъ города Брянска, Орловской губ., въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губ. и въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губ.

Трубы стеклянные.

Стеклянные трубы представляютъ собою диковинку, которая впрочемъ не ограничивается какой-либо одной мѣстностью. Хотя по своей древности онѣ много уступаютъ трубамъ изъ раковинъ, роговъ и даже металлическимъ, но все-таки въ Европѣ онѣ далеко не новость. Такъ, въ Нюренбергскомъ историческомъ музѣ выставлена старинная стеклянная труба, изогнутая какъ современный корнетъ-а-пистонъ съ воронкообразнымъ растрѣбомъ и съ металлическимъ мундштукомъ. Даѣе намъ удалось узнать о существованіи стеклянныхъ трубъ у крестьянъ Сѣдлецкой губ.: въ окрестностяхъ Лохова (станціи Варшавско-Петербургской желѣзной дороги), въ селѣ Стара Весь, Венгровскаго уѣзда, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Гарвалина и въ селѣ Долгоброды, Бѣльскаго уѣзда. Трубы эти, разумѣется, встрѣчаются только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть стеклянные заводы.

Вѣрованья, соединенные съ трубами.

Труба—инструментъ священный.

Изъ числа историческихъ свѣдѣній, которыхъ мы имѣемъ о трубахъ, наиболѣе древними и полными нужно считать библейскія. Въ древней исторіи евреевъ труба играла весьма значительную роль, неразрывно связанную съ религіей. Такъ, напримѣръ, самый выдающійся моментъ религіозной жизни еврейскаго народа, законодательство на горѣ Синайской, сопровождалось трубными звуками: „на третій день при наступленіи утра были (на горѣ Синайской) громы и молніи и густое облако надъ горою и трубный звукъ весьма сильный... И вывелъ Моисей народъ изъ стана... и стали у подошвы горы... и вся гора сильно колебалась, и звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе,... (79). Восхожденіе на гору Синай также было связано со звукомъ трубы (80): „...всякій, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будетъ смерти... скотъ ли то, или человѣкъ, да не останется въ живыхъ, во время

протяжнаго звука трубы (когда облако отойдетъ отъ горы), могутъ взойти на гору...“ Въ библіи есть кромѣ того много мѣсть, гдѣ трубленіе предписывается отъ лица Божія, но мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи.

Не менѣе высокимъ уваженіемъ пользуется труба и у другихъ народъ Старого свѣта, такъ напр., въ Индіи маленький воловій рогъ, *Sringa*, считается любимѣшімъ инструментомъ божества Сивы (надпись Берлинскаго музея); раковина *Dévadatta*, по преданію, была подарена богами Арьюнѣ, третьему брату Пандава (*India museum*), а индійская труба изъ человѣческой берцовой кости считается инструментомъ священнымъ (Кенсингтон. муз.).

У буддистовъ въ Монголіи, по словамъ г. Поздѣева (81), о мѣдныхъ трубахъ существуетъ преданіе, что онѣ изобрѣтены въ угоду святому Падма Самбавѣ его индійскими поклонниками и звукомъ своимъ подражаютъ „реву небесныхъ слоновъ“. Употребленіе же раковины въ качествѣ богослужебнаго инструмента преданіе относитъ ко временамъ самого Будды. Одну изъ такихъ раковинъ, по преданію, Буддѣ преподнесъ царь драконовъ. Ученики Будды употребляли ее для призыва къ богослуженію, а потомъ Будда приказалъ спрятать эту раковину подъ горою Дурихту, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою (основателемъ одной изъ буддійскихъ сектъ), что дѣйствительно и случилось при постройкѣ монастыря Галданъ-Хита. Въ этомъ монастырѣ, упомянутая раковина хранится и до сихъ поръ какъ чудотворная святыня.

У Японцевъ пяти инструментамъ: флейтѣ-траверсу, флейтѣ Пана, литаврамъ, гонгу и морской раковинѣ приписываются священный характеръ. Въ былые времена, какъ говорить народное преданіе, Великое Божество, освѣщающее міръ, не смогло выносить зрѣлища постояннаго безчеловѣчія людей и скрылось въ пещеры моря. Людямъ удалось выманить его оттуда игрою на пяти названныхъ инструментахъ; съ изобрѣтеніемъ музыки тьма исчезла съ лица земли (82).

По киргискому вѣрованію, солнце при восходѣ всегда уширается, а когда его заставляютъ восходить насильно, то „кричитъ произительнымъ голосомъ“. Если же люди не слышать этого крика, то это потому, что въ городѣ Джабулса, расположенному около того мѣста, гдѣ восходитъ солнце, трубятъ въ керней (трубу) и сурней (родъ гобоя) (83). Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ можно видѣть какъ-бы отголосокъ японскаго преданія.

У грековъ Пліній называетъ изобрѣтателемъ военной трубы Пизія изъ Тиррена, сына Геракла и Лиды, т. е. человѣка полубожественного происхожденія. По другому миѳу, изобрѣтеніе страшной военной трубы приписывается Пану (84).

По сказаниямъ Германской миѳологии, дорога къ Асгарду, небесному жилищу Боговъ, вела черезъ многоцвѣтный мостъ изъ радуги. По ней могли проходить только боги и герои, для великановъ же она была закрыта. Дорогу эту оберегалъ стражъ Асгарда, Геймдалъ, который могъ слышать, какъ растетъ трава на лугу и шерсть у овецъ. Если богамъ грозила опасность, то стражъ давалъ обѣ этомъ знать звуками своего могучаго рога (85).

У древнихъ Египтянъ изобрѣтеніе рога приписывали Озирису (86).

Абиссинцы ведутъ происхожденіе своей трубы отъ Іудейской и думаютъ, что она была подарена царицѣ Савской царемъ Соломономъ (87).

Современные христіане вѣрятъ, что въ день страшнаго суда Архангель Михаилъ затрубить въ трубу, и всѣ мертвые воскреснутъ.

Албанцы думаютъ, что на ихъ трубѣ когда-то игралъ самъ царь Давидъ (88).

Даже чехи своей трубѣ-раковинѣ придаютъ священное значеніе, говоря, что она была подарена имъ папой (89).

Изъ сопоставленія этихъ вѣрованій и миѳовъ видно, что звукъ трубы пріятенъ для божества или же оказываетъ ему услуги, что само божество изобрѣло этотъ инструментъ и даровало его людямъ, а следовательно игра на трубѣ прямо богоугодное дѣло. Это вѣрованіе особенно ярко обрисовывается вѣроученіемъ древнихъ и современныхъ евреевъ. Вонпервыхъ всѣ предписанія еврейскаго Закона, касающіяся употребленія трубы въ разные моменты жизни народа Божія, не исключая и военной сигнализации, исходятъ отъ самого Бога и передаются отъ его лица; „и въ день веселія вашего и въ праздники ваши и въ новомѣсячія ваши трубите трубами при всесожженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ вашихъ...“ (90), „и когда пойдете на войну въ землю вашу противъ врага, наступающаго на васъ, трубите тревогу трубами...“ (91). Однъ день въ году у древнихъ евреевъ даже исключительно посвящался трубѣ, что уже прямо граничитъ съ культомъ этого инструмента: „и въ седьмой мѣсяцъ, въ первый (день) мѣсяца, да будетъ у васъ священное собраніе, никакой работы не работайте, пусть будетъ это у васъ день трубного звука“

У современныхъ евреевъ, какъ известно, сохранился обрядъ трубленія въ барабанѣ рогъ въ синагогахъ и вотъ Талмудъ внушаетъ тѣмъ лицамъ, которые берутъ на себя исполненіе этого обряда, благоговѣйное отношеніе къ нему, рекомендуя проникнуться мыслю, что трубленіе совершается не ради наслажденія музыкой, а во исполненіе закона. По объясненію Талмуда, звуки шофера даютъ Ангеламъ силу и возможность плести изъ нихъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. При этомъ требуется отъ каждого правовѣриаго еврея обязательное ежегодное выслушиваніе по крайней мѣрѣ девяти

пріемовъ игры на трубѣ, отъ котораго онъ не освобождается даже въ случаѣ тяжкой болѣзни. Тотъ, кто по болѣзни не въ состояніи прійти въ синагогу для присутствія при совершенніи обряда Текіотъ шоферъ (т. е. трубленія въ рогъ), обязуется пригласить трубача къ себѣ на домъ и тамъ его выслушать. Кромѣ того требуется, чтобы звукъ шофера шелъ отъ трубы прямо и непосредственно въ ухо слушателя, а не былъ бы отраженнымъ или преломленнымъ. Талмудъ перечисляетъ всевозможныя положенія, при которыхъ это можетъ случиться, вродѣ того, напримѣръ, что трубачъ находится на поверхности земли, а слушатель въ ямѣ и т. под. и прибавляетъ, что въ случаѣ сомнѣнія нужно начать выслушиванье съ изнова. Женщинъ Талмудъ освобождаетъ отъ обязанности выслушиванья трубныхъ звуковъ, но обычай требуетъ его и вполнѣ прилагается въ этомъ отношеніи женщинъ къ мужчиваамъ.

Подобные же взглазы на трубу существовали и существуютъ и у другихъ народовъ, признающихъ трубленіе религіознымъ обрядомъ, обязательнымъ при богослуженіи. Что же касается такихъ народовъ, которые придерживаются обычая трубить въ известные дни или времена года, но у которыхъ этотъ обычай вовсе не связанъ съ ихъ религіей, то въ большинствѣ случаевъ они трубятъ, не разсуждая, въ силу привычки и во исполненіе дѣдовскихъ преданій, а потому на вопросъ о цѣли трубленія не всегда могутъ дать определенный отвѣтъ, но въ некоторыхъ случаяхъ и они назовутъ трубленіе „дѣломъ богоугоднымъ“ или скажутъ, что „не трубить-грѣшно“. Такъ, напримѣръ, намъ случилось толковать объ этомъ съ поляками Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи, которые считаютъ для себя обязательнымъ трубить ежегодно въ теченіе Рождественскаго поста. Они объяснили, что трубленіе дѣло очень „хорошее, богоугодное“. Но на вопросъ, для чего нужны Богу трубные звуки, большинство отвѣчало или, что это „имъ неизвѣстно“ или, что „такъ дѣлали ихъ отцы и дѣды“. Только некоторые высказали робкое предположеніе, что трубный звукъ помогаетъ Богу разгнать нечистую силу или, что труба напоминаетъ людямъ о необходимости поститься. Когда мы пріобрѣли въ деревнѣ „лигавку“ для музея и возвращались на вокзалъ, въ полѣ попались намъ на встречу два незнакомые парни, которые остановили экипажъ просьбой, дозволить имъ немножко потрубить на нашей „лигавкѣ“. Мы торопились на вокзалъ, а потому хотѣли имъ отказать, но возница изъ мѣстныхъ крестьянъ, объяснилъ, что „въ здѣшней мѣстности считается большими грѣхомъ не дать людямъ потрубить въ „лигавку“ во славу Божію“. Дѣлать нечего, пришлось согласиться, парни протрубыли каждый по нѣсколько нотъ, похвалили покупку и съ благодарностью ее возвратили.

Въ Гродненской губерніи, по разсказамъ тамошнихъ крестьянъ-малороссовъ, обычай трубить каждую осень поддерживается суевѣріемъ. Если въ какую-нибудь осень въ деревнѣ забросять трубу, то потомъ всякое деревенское несчастіе, какъ-то: неурожай, пожаръ, эпидемическую болѣзнь и проч. объясняютъ наказаніемъ Божіимъ за небреженіе къ дѣдовскому обычаю.

Труба въ качествѣ священнаго инструмента сохраняется въ храмѣ и употребляется при богослуженіи.

У древнихъ евреевъ трубы не только сохранялись въ преддверіи храма, но и работать ихъ можно было только въ храмѣ и притомъ не иначе, какъ на ступеняхъ алтари. Работа эта лежала на обязанности священниковъ изъ колѣка Ааронова (93). По словамъ еврейскихъ историковъ, труба употреблялась при каждомъ богослуженіи въ храмѣ Іерусалимскомъ. Въ будничные дни трубили семь разъ въ день: одинъ разъ утромъ, три раза — во время утренняго богослуженія и три раза — во время вечерняго. Въ праздники трубили чаще, и число инструментовъ тогда увеличивалось. Если трубили во время богослуженія, посдѣ какой-либо молитвы, то трубный звукъ считался признакомъ того, что молитва принята Богомъ (94). У современныхъ евреевъ барабанъ рогъ въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ обязательно хранится при каждой синагогѣ, но работаютъ его и продаютъ въ лавкахъ обыкновенные текари. Въ богослуженіи этотъ рогъ участвуетъ разъ въ годъ, о чёмъ рѣчь будетъ ниже.

О богослуженіи древнихъ Египтянъ и Ассирийцевъ до насъ не дошли такихъ полныхъ свѣдѣній, какъ о Іудейскихъ, но мы знаемъ однако, что у Египтянъ звукъ рога служилъ сигналомъ къ предстоящимъ жертвоприношеніямъ (95), а у Ассирийцевъ труба была необходимой принадлежностью храма, такъ какъ звукомъ своимъ собирала вѣрующихъ на богослуженіе (96).

Изъ комментарій къ Ведамъ мы узнаемъ, что и въ Индіи труба-раковина употреблялась брахинами въ храмахъ, для призыва вѣрующихъ на молитву (97). Тотъ же обычай сохраняется въ Индіи и до настоящаго времени (98).

О Сингалезахъ острова Цейлона говорятъ, что они страшно любятъ трубу и посвящаютъ ее своимъ храмамъ (99).

О Тибетѣ уже и говорить нечего, тамъ ни одно богослуженіе не обходится безъ трубъ. Въ Тибетскихъ храмахъ ламы (священники) поютъ съ аккомпаниментомъ музыкальныхъ инструментовъ, между которыми самую видную роль играютъ трубы (100). Впрочемъ, тоже самое можно сказать и о всѣхъ буддистахъ. Г. Поздѣевъ подробно описываетъ обычай съ трубами въ буддий-

скихъ монастыряхъ Монголії. По его словамъ, между всѣми трубами первенствующую роль играетъ раковина. На жертвеникѣ буддійскихъ кумирнѣй, противъ главнаго бурхана (идола), въ числѣ „восьми жертвъ“ обыкновенно помѣщается „Дунъ-гаръ — символъ счастія... бѣлая раковина, издающая пріятные звуки на 10 странъ свѣта“. Кромѣ того, на жертвенный столъ ставятъ иногда особый приборъ, называемый „жертвою пяти чувствамъ“, на которомъ въ качествѣ „жертвы чувству слуха“ находится опять таки труба — раковина (101). Эта же труба употребляется въ качествѣ сигнального инструмента и для призыва къ богослуженію. Въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ имѣется бурыйнъ шата, т. е. деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, вышиною сажени въ $1\frac{1}{2}$ или 2, замѣнающій наши колокольни. На такой помостъ по лѣстницѣ подымается лама съ раковиной и трубить. Мѣдными трубами, также призываютъ въ храмъ на богослуженіе, но только въ такомъ случаѣ, если жилища ламъ раскинуты на обширномъ пространствѣ. Звуками раковины извѣщаются также о наступленіи того или другого важнаго момента въ богослуженіи, о прибытіи хубилгана (буддійского святого) и т. п. (102).

Въ кумирняхъ нашихъ калмыковъ также сохраняется яѣсколько сортовъ музыкальныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ есть раковины, рога и очень длинныя трубы. Во время богослуженія жрецы поютъ иногда безъ аккомпанемента, иногда же съ аккомпанементомъ оркестра (103).

У Бурятъ въ Забайкальи, въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (храмѣ) въ богослуженіи участвуютъ также длинныя мѣдныя трубы и большія раковины. По разсказу очевидца, „чтеніе длится съ полчаса и прерывается безъ мѣры оглушительнымъ концертомъ: бой барабановъ и прямо ревъ въ громадныя трубы. Кончается концертъ и снова начинается протяжное чтеніе Ганьчжура ламами, затѣмъ опять музыка и т. д. безъ конца“ (104).

У Китайцевъ, какъ видно изъ надписи Кенсингтонскаго музея, большія раковины-трубы также употребляются при буддійскомъ богослуженіи.

Въ древнемъ Римѣ участіе трубачей при богослуженіи и при жертвоприношеніяхъ также считалось обязательнымъ.

У древнихъ Литовцевъ музыка, состоявшая изъ трубъ, роговъ, бубновъ, котловъ и пищалокъ обязательно сопровождала обрядъ самой большой жертвы, приносившейся въ особо важныхъ случаяхъ главнымъ жрецомъ, Крэвэ-Крэвэйто, и вообще труба и бубенъ употреблялись при всѣхъ жертвенныхъ обрядахъ, когда ихъ совершали высшіе жрецы (105). У древнихъ поморскихъ славинъ въ ихъ Штегинскомъ храмѣ между прочими богатствами сохранились рога, приспособленные къ музыке (106).

Обычай сохранять трубы въ храмѣ и употреблять ихъ для благовѣста существовалъ въ старину и у христіанъ. Въ 9 вѣкѣ (107) онъ практи-

ковался между прочимъ въ Византії. Что касается западной Европы, то тамъ и до сихъ поръ во многихъ христіанскихъ храмахъ сохраняются древніе рога. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы уже приводили съ олифантомъ Карла Великаго, сохраняемымъ въ сокровищнице Аахенскаго собора.

У французскихъ крестьянъ въ Пуату и Бурбонѣ до настоящаго времени существуетъ, какъ остатокъ глубокой старины, обычай во время страстной недѣли, когда у католиковъ бываетъ такъ называемый „постъ колоколовъ“, призывать народъ къ богослуженію игрой на деревянныхъ трубахъ. Молоды-парни, на обязанности которыхъ лежить такой благовѣстъ, влѣзаютъ тогда на деревенскую колокольню (108). Такой же обычай сохранился и у христіанскаго народа Сванетъ на Кавказѣ. У нихъ въ числѣ древностей въ старыхъ церквяхъ сохраняются мѣдныя трубы. Трубы эти, по преданію, замѣняли когда-то колокола и теперь еще по большимъ праздникамъ достаютъ эту традиционную вещь и трубятъ въ нее, созывая народъ въ церковь, какъ это дѣжалось въ древности (109).

У Абиссинцевъ, сохранившихъ въ своихъ религіозныхъ обрядахъ много чертъ христіанства первыхъ вѣковъ, хотя нѣть обыкновенія употреблять трубу въ храмѣ при богослуженіи, но есть однако обычай трубленія, находящійся въ непосредственной связи съ храмовой службой. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ очевидцы:

„Кающіеся... не входятъ даже въ ограду храма, а молятся или у самой подошвы священнаго холма (на которомъ построена церковь) или далеко—далеко отъ него, въ какихъ нибудь уединенныхъ долинахъ... Клиры нѣкоторыхъ богатыхъ соборовъ, заботясь объ утѣшеніи всякаго рода плачущихъ, кающихся, подверженныхъ очищенію,—устраиваютъ для нихъ особую церковную музыку въ храмѣ. Для этой цѣли употребляется труба „нагарить“, необыкновенно дѣйствующая на чувство абиссинцевъ. Когда она издаетъ звуки церковной мелодіи, соотвѣтствующей той, которая одновременно съ этимъ раздается въ храмѣ,—стоящіе далеко отъ храма приходятъ въ молитвенный восторгъ“ (109 А). А объ одномъ изъ абиссинскихъ народовъ, Галла, путешественники рассказываютъ, что у него „богослуженіе совершається подъ развесистымъ деревомъ. Молящіе бываютъ головой объ стволъ дерева, поютъ и трубятъ въ бамбуковую трубу, называемую „fagga“ и въ этомъ заключается весь богослужебный обрядъ“ (110).

На трубахъ играютъ или духовныя лица или люди, занимающіе выдающееся положеніе въ обществѣ.

У древнихъ евреевъ игра на трубѣ была возложена на членовъ высшаго еврейскаго сословія, священниковъ. Въ библіи прямо говорится: „сыны

Аароновы, священники, должны трубить трубами, это будетъ вамъ постановліемъ вѣчнымъ въ роды ваши" (111).

Въ Индіи, какъ мы уже видѣли, трубленіемъ во время религіозныхъ торжествъ занимаются съ древнихъ временъ брамини, т. е. жрецы и въ тоже время люди, принадлежащіе къ высшей кастѣ. Кромѣ того, странствующіе дервиши, пользующіеся также высокимъ уваженіемъ въ Индійскомъ обществѣ, всегда имѣютъ при себѣ трубу-раковину и игрой на ней даютъ бого-мольцамъ о своемъ прибытіи въ городъ (112).

У Буддистовъ въ Тибетѣ, Монголіи и у бурятъ въ Забайкальи обязанность трубленія въ храмахъ возложена на буддійскихъ жрецовъ ламъ (113). По описанію г. Позднѣева, въ монгольскихъ монастыряхъ для игры на каждомъ инструментѣ есть лама — спеціалистъ, носящій особое название. Такъ называются дунчи или лабайчи, на мѣдныхъ трубахъ играютъ ламы бурѣчи, наконецъ благовѣсть лежитъ на обязанности ламъ, мэдэчи (114).

Въ западномъ Китаѣ, у подножія Божіаго трона, по описанію Грумъ-Гржимайлова, трубленіемъ во время богослуженія занимаются хошани т. е. жрецы (115).

Въ древне-римскомъ обществѣ трубачи также занимали почетное положеніе. Плутархъ разсказываетъ, что благочестивый Императоръ, Нума Помпілій, при распределеніи римскихъ гражданъ по профессіямъ и ремесламъ поставилъ трубачей на первое мѣсто, потому что они участвовали при богослуженіи. А изъ одного эпизода, разсказанного Лвіемъ изъ Самнитской войны, видно, что римскіе трубачи осмѣливались даже отказывать въ повиновеніи сенату, до такой степени высоко было ихъ общественное положеніе (116).

У древнихъ галловъ національная музыка стояла въ тѣсной связи съ ихъ религіозными обрядами, а потому находилась въ рукахъ друидовъ (жрецовъ), власть которыхъ была выше власти правительства. Музыкальными исполнителями являлись сами друиды и ихъ ближайшіе помощники, барды. Музыку этихъ послѣднихъ императоръ Юліанъ сравниваетъ съ звуки дикихъ звѣрей и съ карканьемъ вороновъ, а Діодоръ разсказываетъ, что они производили страшный ревъ трубами (117). Позже, во времена процветанія въ западной Европѣ рыцарства, рогъ, висящій на шее (преимущественно олифантъ изъ слоновой кости), былъ однимъ изъ атрибутовъ рыцаря, дворяниня и военновоначальника. Онъ служилъ для передачи приказаний на далекое разстояніе какъ въ бою, такъ и на охотѣ. У каждого изъ романовъ и картинокъ изъ средневѣковой жизни твердо запечатлѣлся въ памяти образъ рыцаря, подѣлывающаго къ какому-нибудь замку и дающаго знать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Подобные картинки воспроизво-дили когда-то бывшую дѣйствительность. Вмѣстѣ съ паденіемъ рыцарства

исчезъ и этотъ обычай, или лучше сказать не исчезъ, а принялъ другую форму: когда позже короли, князья и важные сановники выѣзжали куда-либо въ путь, то они высыпали впереди себя трубачей, дававшихъ знать игрой на трубѣ о ихъ приближеніи. Въ еще болѣе позднія времена исполнители этой функции назывались *лауфгами* (что-то вродѣ скороходовъ) (118). Обычай этотъ долго существовалъ въ такомъ видѣ во всей западной Европѣ, пока новыя условія жизни не заставили и его измѣниться, принявши еще болѣе новый видъ. Съ проведенiemъ дорогъ и съ устройствомъ почты, обязанности *лауфговъ* мало по малу перешли къ почтовымъ служителямъ и кондукторамъ дилижансовъ. Въ наше время, когда почтовыя кареты въ свою очередь уступаютъ мѣсто жѣлѣзно-дорожнымъ вагонамъ, трубленіе становится уже совершенно излишнимъ, но память о старинномъ обычай не исчезла окончательно, такъ какъ труба становится эмблемой почтоваго вѣдомства и украшаетъ стѣны почтовыхъ вагоновъ. Вотъ какой рядъ превращеній потерпѣлъ поэтическій обычай средневѣковыхъ рыцарей извѣщать о своемъ пребытіи трубнымъ звукомъ. Но все это совершилось, конечно, не сразу, а въ строгой постепенности. Такимъ же образомъ, можно было бы возстановить рядъ переходныхъ ступеней между военноначальникомъ среднихъ вѣковъ, лично передававшимъ свои приказанія войскамъ при помощи трубы и современнымъ пѣхотнымъ солдатикомъ - горнистомъ, между привилегіей, нѣкогда дававшей право трубить только лицамъ высокопоставленнымъ, и скромной обязанностью современного оркестроваго музыканта, трубящаго на танцевальныхъ вечерахъ, чтобы заработать свой скучный кусокъ хлѣба. Но мы этого дѣлать не будемъ, а лишь приведемъ въ видѣ иллюстраціи два примѣра, касающихся трубы, изъ времени промежуточнаго между поэтическимъ вѣкомъ рыцарей и нашей прозаической эпохой. Однимъ изъ этихъ примѣровъ можетъ служить преданіе, относящееся къ 15-му вѣку, которымъ нѣмецкіе историки музыки доказывали, что современная валторна (*Waldhorn*) была изобрѣтена нѣмцами. Изобрѣтеніе это приписываютъ Тюрингенскимъ крестьянамъ, которые трубили на своихъ празднествахъ въ прямую трубу, а когда этотъ инструментъ былъ имъ запрещенъ тогдашнимъ помѣщикомъ, такъ какъ прямые трубы считались исключительной привилегіей двора, то они согнули свою прямую трубу и назвали ее валторной (*Waldhorn*). Другой примѣръ — это разсказъ объ обществахъ трубачей, существовавшихъ когда-то въ Германіи въ тѣ времена, когда трубленіе уже перестало быть привилегіей рыцарей. Интересно, что члены такихъ обществъ, по старой памяти, еще долгое время пользовались всеобщимъ почетомъ. Ученики въ эти общества выбирались съ большимъ разборомъ, а когда, по выдержаніи установленнаго

экзамена, они принимались въ члены общества, то надъ ними совершался, какъ нѣкогда надъ рыцарями, обрядъ посвященія посредствомъ пощечины (119).

Какъ отдаленное эхо рыцарского обычая носить при себѣ рогъ, до недавнихъ поръ сохранялось обыкновеніе у знатныхъ польскихъ магнатовъ и у нашихъ русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ вмѣстѣ съ образцами оружія собирать у себя коллекцію охотничихъ роговъ и развѣшивать ихъ по стѣнамъ своихъ кабинетовъ. Еще недавно намъ пришлось осматривать богатую коллекцію такихъ роговъ, между которыми были и трубы-раковины, въ „палацѣ“ князя Сангушко въ м. Славутѣ (Волынской губ.).

Что рассматриваемое нами почетное положеніе въ обществѣ трубачей не составляетъ исключительной принадлежности Европы и Азіи, видно изъ того, что рассказываютъ путешественники о султанствѣ Баггирии въ Центральной Африкѣ. Тамъ во время торжественныхъ выѣздовъ султана впереди процессіи идетъ отъ 8 до 12 человѣкъ музыкантовъ, играющихъ на длинныхъ деревянныхъ трубахъ. Трубы эти вмѣстѣ съ литаврами и барабанами принадлежать къ королевскимъ регаліямъ, а музыканты, на нихъ играющіе, ведутъ свой родъ отъ брата первого баггирмійского короля, следовательно, принадлежать къ королевскому роду. Благодаря своему высокому происхождѣнію, они пользуются даже особой привилегіей, считающейся въ Баггирии весьма почетной, а именно: при входѣ во дворецъ султана всѣ подданные его должны снимать оружіе и обувь и обнажать свои плечи, тогда какъ трубачи, наравнѣ съ чужеземцами, имѣютъ право своихъ плечъ не обнажать (120). Здѣсь сходство съ Европой, кроме высокаго происхожденія трубачей, заключается также и въ томъ, что трубы принадлежать къ числу королевскихъ регалій и что въ торжественномъ выходѣ короля ему предшествуютъ трубачи. Другой примѣръ такого же обычая даетъ путешественникъ по Африкѣ, Швейнфуртъ, который разсказываетъ, что король народа Момбутту, въ восточномъ Суданѣ, появлялся на аудіенцію при звукѣ рожка (121). Наконецъ, въ южной Африкѣ у народа Мгангѣ шаманы, соответствующіе сѣверно-Азіатскимъ и Американскимъ, имѣютъ при своихъ заклинаніяхъ не бубень и трещетку, какъ въ Азіи и Америкѣ, а волшебный рогъ или трубу. Тоже самое и у папуасовъ на Ново-Гебридскихъ островахъ. Шаманы здѣсь, какъ известно, замѣняютъ жрецовъ (122).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы убѣждаемся, что игра на трубѣ считалась въ старину какъ бы привилегіей двухъ почетнѣйшихъ классовъ общества: духовенства и военного сословія. Имѣя это въ виду и обращаясь къ другимъ народамъ, у которыхъ еще сохранился обычай трубленія въ различные моменты ихъ жизни, но игра на трубѣ уже не составляетъ привилегіи духовного или военного сословія, мы найдемъ, однако, въ современныхъ обы-

чаяхъ этихъ народовъ много остатковъ того же общаго правила, которое мы подтверждали вышеуказанными примѣрами. Мы увидимъ, что лица, на которыхъ у разныхъ народовъ возлагаются обязанности трубачей, стоять въ наиболѣе близкомъ соотношении или къ военному или къ духовному сословію. Дѣйствительно, у громаднаго большинства народовъ, сохранившихъ у себя трубу, за небольшими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, трубленіемъ занимаются только мужчины, т. е. тотъ полъ, изъ котораго у большинства народовъ рекрутируется и духовное и военное сословія. Кромѣ того, у многихъ народовъ изъ числа мужчинъ трубятъ только взрослые неженатые юноши, т. е. люди въ возрастѣ, когда они наиболѣе способны сдѣлаться воинами. Это мы наблюдаемъ, напримѣръ, у поляковъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерніи и у малороссовъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ обычай для взрослыхъ юношей ежегодно осенью трубить въ трубу. Въ иныхъ мѣстахъ трубленіе является даже какъ бы внѣшнимъ признакомъ того, что юноша уже достигъ совершеннолѣтія. Такъ у латышей Добленскаго уѣзда Курляндской губерніи, если молодой парень собирается жениться, то въ лѣтніе вечера трубить въ свой рогъ (123). Нѣчто подобное существуетъ и въ Полинезіи. Тамъ юноша, желающій, чтобы его приняли въ общество взрослыхъ, и имѣющій на это право по своимъ годамъ, подкрадывается къ сѣдней деревнѣ, поражаетъ кого-нибудь стрѣлой, отрѣзаетъ убитому голову и, возвращаясь домой, въ свою деревнѣ, еще издали даетъ сигналъ о своемъ прибытии игрою на бамбуковой трубѣ (124). Даже общеизвѣстный и распространенный во всей Европѣ обычай, по которому труба неразлучна съ должностью пастуха подтверждаетъ высказанное нами положеніе, такъ какъ должность пастуха, стоящая въ наше время очень низко на общественной лѣтнici, въ древности далеко не была такою. Это мы видимъ во-первыхъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы пастухи занимаются врачеваніемъ, т. е. исполняютъ функцию, принадлежавшую нѣкогда исключительно духовному сословію. Такого рода явленіе хорошо известно, напримѣръ, въ Польшѣ, гдѣ даже въ настоящее время интеллигентные или полуинтеллигентные люди, извѣрившись въ докторахъ, прибѣгаютъ къ помощи пастуховъ. Сюда же относится обычай, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ къ доенію коровъ допускаются только мужчины. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ (125), въ Европѣ же онъ соблюдается только при доеніи овецъ у гагаузовъ, болгаръ, молдаванъ, гуцоловъ (въ Галиціи) и у крымскихъ татаръ. Все это, конечно, только остатки нѣкогда широко-распространенного культа быка, который едавали не въ наибольшей чистотѣ сохранился въ настоящее время у народа то-

довъ въ Остъ-Индіи. У этихъ послѣднихъ молоко-жидкость божественнаа, а доеніе—священнодѣйствіе. Доеніемъ занимается жрецъ изъ клана пейковъ (въ родѣ левитовъ), живущій въ безбрачіи, пока онъ доитъ; его помощникъ также обязуется соблюдать половое воздержаніе. Молочная—мѣсто святое, въ которое имѣютъ право входить одни только жрецы, другіе мужчины могутъ дотрагиваться до ея ограды, но женщинамъ нельзя приближаться къ частоколу ближе чѣмъ на 30—40 шаговъ... (126). У галицкихъ гуцоловъ на ихъ долонинѣ (горная пастбища) также не допускается ни одна женщина (127). Огюда можно заключить, что и въ Европѣ пастухи нѣкогда были жрецами, а въ настоящее время удержали за собою трубленіе, какъ одну изъ древніхъ привилегій духовнаго класса.

Но есть, какъ мы говорили выше, мѣстности гдѣ трубятъ исключи-
тельно женщины или дѣвушки. Такой обычай, напримѣръ, наблюдается у
черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи по вечерамъ въ теченіе всей
осени. Подобный же обычай существуетъ и у шведскихъ дѣвушекъ крестья-
нокъ: лѣтомъ на пастбищахъ (128). Кромѣ того, въ Парижскомъ музѣ
Guimet мы видѣли трубу-раковину изъ Лаоса (въ Индо-Китаѣ), принадле-
жащую племени Луангъ-Прабангъ, о которой въ надписи сказано, что въ
нее трубятъ женщины при религіозныхъ профессіяхъ. Наконецъ, у воен-
наго отряда дагомейскихъ амазонокъ имѣется также женскій оркестръ, со-
стоящий изъ трубъ (129). Эти четыре факта, повидимому, противорѣчатъ,
высказанному нами выше, правилу о личностяхъ, на которыхъ возлагается
трубленіе, но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Дѣйствительно, суще-
ствованіе воинственныхъ женщинъ-амазонокъ, какова бы ни была причина
появленія ихъ на свѣтѣ, должно быть признано историческимъ или предъ-
историческимъ фактомъ, такъ какъ его подтверждаетъ слишкомъ много дан-
ныхъ, историческихъ и этнографическихъ, чтобы можно было ими пренебречь.
А въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ функцией воина на
женщинъ-амазонокъ переходили и другія права и привилегіи мужчинъ, а въ
томъ числѣ и право трубленія. Интересно, что въ трехъ изъ упомянутыхъ
нами мѣстностей, гдѣ трубятъ женщины, сохранились и другія данныя, если
не доказывающія, то намекающія на пребываніе въ тѣхъ краяхъ амазонокъ.
Про Дагомэ уже и говорить нечего, такъ какъ врядъ ли кто не знаетъ объ
отрядѣ дагомейскихъ амазонокъ, доходившемъ численностью до 4000 и со-
ставлявшемъ гвардію дагомейскаго короля. Тоже самое, только въ меньшихъ
размѣрахъ существуетъ и въ Сіамѣ, къ которому Лаось находится въ весьма
близкихъ отношеніяхъ какъ политическихъ, такъ и этнографическихъ. При
Сіамскомъ королѣ есть также батальонъ гвардіи изъ амазонокъ-дѣвушекъ, со-
держащей караулы при королевскомъ дворѣ (130). У шведовъ, хотя не

существуетъ ничего подобнаго, но есть однако странный обычай въ провинції Bleking, по которому новобрачной на другой день послѣ свадьбы дарить оружіе всѣхъ сортовъ (131). Очевидно, что это оружіе когда-то дѣйствительно нужно было тамошнимъ женщинамъ и обычай дарить его новобрачной сохранился до нашего времени только въ видѣ переживанія отдаленаго прошлаго.

При богослуженіяхъ въ храмахъ изъ трубъ составляется оркестръ.

У древнихъ евреевъ по закону число трубачей въ храмѣ и въ его было не менѣе двухъ, хотя могло увеличиваться и до 120, но при этомъ всегда было четнымъ, т. е. трубачи считались не иначе, какъ парами (132). Правило это основывалось вѣроятно на слѣдующемъ мѣстѣ Библіи: „И сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ двѣ серебряные трубы... чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества... (133)“.

Любопытно, что подобное же правило наблюдается и у буддистовъ, когда они составляютъ свои храмовые оркестры. У г. Поздѣева о монгольскихъ монастыряхъ говорится, что ламъ, играющихъ на трубахъ-раковинахъ, въ самыхъ малыхъ монастыряхъ бываетъ не менѣе двухъ, а играющихъ на мѣдныхъ трубахъ никакъ не менѣе четырехъ, хотя въ большихъ монастыряхъ, при особо торжественныхъ богослуженіяхъ, г. Поздѣевъ насчитывалъ ихъ до 40 и болѣе.

Тоже самое видимъ мы и въ Тибетѣ: англійскій путешественникъ 18-го вѣка, капитанъ Турнеръ, описывая одну изъ религіозныхъ процессій, которую ему случилось наблюдать въ этой мѣстности, говоритъ, что ламъ, игравшихъ на большихъ трубахъ, было 10, барабанщиковъ 20, цимбалистовъ 20, и 2 дули въ раковины (134).

Въ Берлинскомъ этнографическомъ музѣ выставлена модель самыхъ пышныхъ китайскихъ похоронъ. Здѣсь участвуютъ 3 пары музыкантовъ трубачей, идущихъ одна за другой, причемъ каждая пара снабжена однимъ сортомъ трубъ, одна пара играетъ на прямыхъ трубахъ, другая — на согнутыхъ, а третья на прямыхъ, утолщенныхъ на концѣ.

Соответственно этимъ азіатскимъ оркестрамъ, въ Европѣ, какъ известно, оркестры приняты въ церквахъ католическихъ.

Порядокъ трубленія предписывается религіозными законами.

У древнихъ евреевъ порядокъ трубленія предписывался отъ имени самого Бога. Въ библіи говорится: „и когда пойдете на войну... противъ врага, наступающаго

на васъ, трубите тревогу трубами... когда одною трубою затрубять, поднимутся стани, становящіеся къ сѣверу, тревогу пусть трубять при отправлениі ихъ въ путь... (135)^a. Во время странствованія евреевъ по пустынѣ одинъ длинный звукъ призывалъ на собраніе старѣшины, два такие же звука собирали весь народъ, одинъ короткій звукъ означалъ снятіе стана и выступленіе, а два—призывъ къ битвѣ (136).

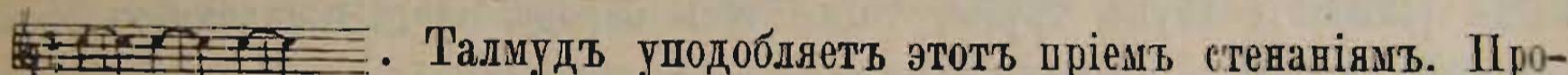
Что касается современныхъ евреевъ, то для ихъ трубленія въ синагогѣ выработана цѣлая сложная система звуковъ. Правила этой системы мы записали отъ кантора одной изъ Варшавскихъ синагогъ; вотъ они:

Трубачъ выдувааетъ изъ шофера всегда только одну ноту, наиболѣе легкую для него, но эта нота должна воспроизводиться по тремъ опредѣленнымъ приемамъ, изъ которыхъ каждый имѣть свое название:

1) Текія—звукъ длинный и ровный съ начала до конца.

2) Тэрұа—такой же протяжный звукъ, при которомъ трубачъ, не переводя духа, долженъ сдѣлать 9 ударовъ языкомъ. Пріемъ этотъ Талмудъ уподобляетъ плачу.

и 3) Шеварымъ (по еврейски-ломаный) группа изъ 9 равныхъ короткихъ звуковъ, взятыхъ Stacato съ ударами языкомъ при каждомъ. Это рядъ синкопъ въ такомъ родѣ:

Талмудъ уподобляетъ этотъ пріемъ стенаніямъ. Продолжительность всѣхъ трехъ, перечисленныхъ нами, пріемовъ должна быть совершенно одинакова. Изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, при служеніи въ синагогѣ, составляется известная весьма сложная комбинація звуковъ, строго опредѣленная закономъ.

Нѣкоторая изъ правилъ трубленія, предписанныхъ ламамъ въ буддійскихъ монастыряхъ, передаетъ намъ г. Поздѣевъ (137): при созываніи народа къ богослуженію звукъ раковины долженъ раздаваться 3 раза. Начавшись съ самаго сильного и пронзительного, онъ долженъ постепенно ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замреть окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача. Затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ начать съ того самого слабаго звука, которымъ онъ кончилъ предыдущій пріемъ, и возвести его опять до степени максимума. Полный благовѣсть заключаетъ въ себѣ три такихъ отдѣленія. Если благовѣстять медными трубами, то тогда трубять уже два ламы поочередно каждый по 3 раза на всѣ четыре стороны свѣта. Послѣднаго правила, т. е. трубленія на четыре страны свѣта придерживались и древніе ливовцы, но только не при богослуженіи, а при выступленіи на войну, это называлось у нихъ: трубить на четыре вѣтра (137 А).

Трубному звуку приписывается чудодейственная сила.

Върованье въ чудодейственную силу трубныхъ звуковъ уже само собой вытекаетъ изъ убѣженія, что труба—инструментъ священный и что изобрѣтеніе ея принадлежитъ божеству или совершено при участіи божества. Мы хотимъ здѣсь привести лишь иллюстраціи къ этому върованью. Одну изъ такихъ иллюстрацій даетъ намъ вышеупомянутое японское народное преданіе о томъ, какъ звуками музыки вызвано было само божество, но здѣсь труба не занимаетъ первенствующаго положенія, она поставлена наряду съ другими инструментами.

Несравненно болѣе характернымъ является, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, эпизодъ съ Герихонскими трубами. Вотъ какъ передается онъ въ библіи: „Тогда сказалъ Господь Иисусу (Иавину): вотъ я предаю въ руки твои Герихонъ—пойдите вокругъ города... и обходите городъ однажды (въ день)... и дѣлайте это 6 дней, и семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ (въ славянскомъ текстѣ сказано: „трубъ рожаныхъ“ т. е. роговыхъ) передъ ковчегомъ, а въ седьмой день обойдите вокругъ города семь разъ и священники пусть трубятъ трубами, когда затрубить юбилейный рогъ, когда услышите звукъ трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія“... (138).

У буддистовъ, какъ мы уже приводилъ выше, раковина-труба, подаренная Буддѣ царемъ драконовъ, сохраняется въ монгольскомъ монастырѣ Галданъ-хита какъ чудотворная святыня (139).

Трубы участвуютъ въ религіозныхъ процессіяхъ.

О религіозныхъ процессіяхъ древнихъ евреевъ врядъ ли нужно много распространяться, такъ какъ у нихъ каждое торжество, каждое общественное собраніе сопровождалось трубными звуками, а прекрасный примѣръ религіозной процессіи съ трубами представляетъ семикратное обхожденіе Герихонскихъ стѣнъ.

Объ употребленіи трубъ при религіозныхъ торжествахъ въ Индіи и Тибетѣ мы уже упоминали выше. Остается лишь добавить, что изъ числа трубъ, употребляемыхъ при религіозныхъ процессіяхъ въ Индіи, называются Rana Sringa (надпись India museum) и Nursingh (140).

О монгольскихъ буддийскихъ монастыряхъ г. Поздѣевъ пишетъ, что тамъ трубы кромѣ участія въ богослуженіи обязательно сопровождаютъ религіозные процессіи, при чмъ каждый инструментъ носится въ двухъ экзем-

плярахъ двумя ламами. Всѣ ламы идутъ попарно, пара за парой и играютъ во все время движенія процессіи (141).

Объ игрѣ на трубахъ въ религіозныхъ процессіяхъ Китая и Лаоса мы уже упоминали ранѣе.

У буддистовъ — Калмыковъ на праздникъ Цоганъ-сара жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ выносить изъ „хурула“ изображеніе божества Окунъ-тенгри, прикрепленное къ высокому шесту и обходить съ нимъ торжественно вокругъ палатокъ (142).

О японцахъ путешественникъ, Отто фонъ-Коцебу, разсказываетъ, что „когда они носятъ своихъ идовъ въ процессіи вокругъ храма, то ихъ трубы и рога производятъ дьявольскую музыку“ (143).

Далѣе у православныхъ грузинъ на праздникъ Нахицуроба, во время крестного хода вокругъ церкви, одинъ изъ участниковъ процессіи держитъ въ рукахъ трубу и трубить, что есть силы, по три раза у каждого угла церкви (144).

Въ Европѣ, у католиковъ въ религіозныхъ процессіяхъ также очень часто участвуютъ оркестры изъ духовыхъ инструментовъ, у насъ въ Россіи это также иногда случается, но сравнительно очень рѣдко.

Мы здѣсь ведемъ рѣчь исключительно только о церковныхъ процессіяхъ, имѣющихъ чисто богослужебный характеръ и соответствующихъ нашимъ крестнымъ ходамъ, что же касается свадебныхъ и похоронныхъ процессій, то объ участіи въ нихъ трубъ будетъ сказано ниже.

Труба изгоняетъ бѣсовъ.

Есть много данныхъ полагать, что современному понятію народовъ о „нечистой силѣ“, какъ о существѣ безплотномъ, предшествовало представление о ней вполнѣ материальное. Такъ, напримѣръ, у вояковъ мы находимъ рассказы о томъ, какъ человѣкъ убилъ изъ ружья Ву-Мурта (Водяного) или черта и о томъ, что Корка-Муртъ (домовой), также, какъ и великороссійскій Кикимора, имѣть способность уменьшаться до микроскопическихъ размѣровъ и прятаться въ щеляхъ дома. У мордвы Вирь-Ава (льшій), идя по лѣсу, вырастаетъ вышиной съ дерево, а, идя по травѣ, уменьшается до высоты травы. Подобныхъ рассказовъ о „нечистой силѣ“ можно было бы перечислить сотнями и не у однихъ только нашихъ восточныхъ инородцевъ, но достаточно и приведенного, чтобы согласиться съ ними, что подобные вѣрованія могли образоваться только въ тѣ времена, когда „нечистая сила“ представлялась существомъ совершенно материальнымъ, подобнымъ человѣку или животнымъ, такъ какъ безплотному существу нѣтъ надобности сжиматься.

чтобы быть невидимымъ, и нельзя убить безплотное существо материальной сплошной. Въ той же мысли убѣждаютъ настъ и приемы, практикующіеся разными народами для „изгнанія бѣсовъ“, которое во многихъ мѣстностяхъ совершаются периодически. Всѣ они указываютъ на существующее или существовавшее понятіе о бѣсахъ какъ о какихъ-то мелкихъ животныхъ, вродѣ насекомыхъ, которые окружаютъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Иллюстраціей къ такому теоретическому представлению о „нечистой силѣ“ можетъ служить вотъ первыхъ обычай месховъ (одноге изъ грузинскихъ племенъ) изгонять тѣхъ бѣсовъ, которые „проникаютъ въ организмъ человѣческій „черезъ ротъ““ (145). а во вторыхъ вѣрованье закавказскихъ татаръ, очень напоминающее современное ученіе о бактеріяхъ. „Вся вселенная, по мнѣнію татаръ, наполнена злыми духами. Духи эти находятся въ каждомъ углу дома, въ каждой щели, въ колодцахъ, въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ лѣсу, дуплахъ деревьевъ и внутри животныхъ. Они всегда окружаютъ людей и даже норовятъ лѣзть имъ въ ротъ, въ носъ и т. д.“ (146). Впрочемъ, это вѣрованье отнюдь не составляетъ исключительной особенности закавказскихъ татаръ, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, малороссы о происхожденіи нечистой силы на землѣ рассказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды старый чертъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертамъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда..., но Богъ разрушилъ это зданіе и черти летѣли оттуда (на землю) сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ. тамъ находится и до настоящаго времени. Который упалъ въ воду — „водяныкъ“, въ лѣсъ — „лісовыкъ“, въ болото — „болотяныкъ“, на поле — „полевой“. въ очереть — „очеретяныкъ“ и т. д. (147). Австралійцы воображаютъ также, что „сверхъестественные существа разсѣяны повсюду: все лицо земли кишитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы“. Веддахи (на О-вѣ Цейлонѣ) убѣждены, что „воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣть своего мѣстного духа“. Тасманійцы въ своемъ воображеніи „населяли цѣльми толпами злыхъ духовъ пещеры, лѣса, разсѣлины скаль, вершины горъ“. Карены въ Индо-Китаѣ говорятъ, что „миръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми“. Таитянѣ воображаютъ, что „живутъ въ мирѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствиемъ“. Арабы „считаютъ пустыню столь густо населенной духами, что когда они бросаютъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просить извиненія у тѣхъ кого, быть можетъ, задѣли при этомъ“ (148) и т. д. Мы говорили здѣсь объ „изгнаніи бѣсовъ“ по средствахъ, для этого употребляемыхъ, потому что къ числу этихъ средствъ между прочимъ принадлежать и трубные звуки.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Исполненіе этого обряда лежитъ на обязанности мужчинъ. Они заготовляютъ въ самый день обряда длинныя деревянныя трубы и затѣмъ обходять поочередно, начиная съ краю, всѣ крестьянскія избы. Въ то время какъ два пожилыхъ черемисина трубятъ въ трубы, стоя снаружи избы, у ея оконъ, одинъ съ улицы, а другой со двора (что-бы испугать бѣсовъ, находящихся въ избѣ), молодые парни и ребята бьютъ кнутами сначала по воротамъ и заборамъ, а потомъ внутри избы по стѣнамъ, лавкамъ, столамъ, печамъ и т. д. Если на лавкахъ случится одежда, то сбрасываютъ ее на полъ съ криками: „іу! іу! уй! у!“ Окончивши изгнаніе бѣсовъ въ одной избѣ, переходятъ въ слѣдующую и продолжаютъ все это до поздней ночи. Если въ одинъ день не удастся обойти все село, то обходъ этотъ продолжается и на слѣдующій день.... Когда кончится обхожденіе всѣхъ избѣ въ селѣ, то участники обряда собираются въ одинъ домъ и оттуда мчатся верхомъ на луга близъ лѣсу ломать трубы. Дорогою кричать дикимъ голосомъ: „іу! уй! уу! уа“! Для уничтоженія трубъ близъ лѣса есть особо назначенный пенекъ, о который ихъ и разбиваютъ со словами: „шайтаны ушли въ лѣсъ“. Затѣмъ такимъ же порядкомъ во весь опоръ мчатся домой (149). По объясненію черемисъ, трубнымъ звукомъ они изгоняютъ шайтановъ или, какъ ихъ называютъ, „кереметей“, которые заносятъ изъ деревни въ деревню различные болѣзни. Черемисы вѣрятъ, что „кереметь“, услышавши въ какой-нибудь деревне трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже болѣе не возвращается, такъ что въ той деревнѣ цѣлый годъ бываетъ благополучіе (150). Если мы сравнимъ тотъ же самый обрядъ у черемисовъ изъ разныхъ уѣздовъ и губерній, то увидимъ, что при общемъ сходствѣ между собою мѣстныхъ вариантовъ обряда, детали его измѣняются. Въ однихъ мѣстностяхъ онъ совершается ежегодно, въ другихъ въ три года или въ 5 лѣть разъ, въ однихъ весною, въ другихъ лѣтомъ, въ третьихъ осенью. Кроме того къ перечисленнымъ нами средствамъ, считающимся дѣйствительными противу шайтановъ, прибавляются новые, какъ-то: шумъ, производимый трещетками, стрѣльба изъ ружей, прыганье черезъ огонь, втыканье въ землю горячихъ головней, ножей и т. под. (151). Наконецъ, въ некоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, при прочихъ одинаковыхъ приемахъ изгнанія нечистой силы, вовсе отсутствуетъ игра на трубѣ.

Если отъ черемисовъ мы перейдемъ къ другимъ нашимъ восточнымъ инородцамъ: вотякамъ, чувашамъ и зырянамъ, то и у нихъ найдемъ все тѣ же периодически совершающійся обрядъ „изгнанія бѣсовъ“, въ которомъ какіе изъ черемисскихъ приемовъ повторяются съ прибавкою все новыхъ и

новыхъ деталей. Такъ напримѣръ, у вотяковъ обрядъ, сопровождаемый тѣмъ же приемами, что и у черемисъ, совершается чаще т. е. два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ (152). У зырянъ Архангельской губерніи онъ совершаются на Богоявленіе, а къ черемисскимъ приемамъ прибавляется быстрое катанье на лошадяхъ и на оленяхъ вокругъ села и по улицамъ его, сопровождаемое криками (153). У чувашъ трубу замѣняютъ скрипкой, кнуты—прутьями вербы, а къ выколачиванью стѣнъ, заборовъ и проч. прибавляютъ хлестаніе вербой всѣхъ, попадающихъ навстрѣчу, прохожихъ (154).

Если мы теперь будемъ сличать одинъ и тотъ же обрядъ у всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ во всѣхъ его деталяхъ, то убѣдимся, что одни изъ этихъ деталей измѣняются, другія остаются постоянными. Измѣняется время совершенія обряда и большая часть приемовъ для изгнанія бѣсовъ, а неизменными остаются: 1) идея обряда „изгнанія нечистой силы“, 2) его периодичность, 3) некоторые изъ приемовъ, какъ-то: шумъ всякаго рода и хлестаніе и 4) передвиженіе изгонающихъ по улицамъ деревни.

Расширяя еще болѣе область нашихъ наблюдений и вводя въ сферу ихъ все новые и новые народы, мы увидимъ, что обрядъ, настѣнно интересующій, далеко не составляетъ исключительной принадлежности нашихъ восточныхъ инородцевъ, что онъ распространяется не только по всей Европѣ, но въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ.

Возьмемъ первую и самую главную изъ найденныхъ нами, наиболѣе постоянныхъ деталей обряда, идею о возможности изгнанія изъ данной мѣстности нечистой силы и посмотримъ, у какихъ народовъ она существуетъ и какие приемы ими для этого употребляются. Мы найдемъ такимъ образомъ изгнаніе духовъ у немцевъ при помощи шума (155), у лужицанъ-стрѣльбой изъ ружья и щелканьемъ хлыстами (156), у месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ)—прыганьемъ черезъ костры (157), въ Тибетѣ—трубленіемъ въ раковины, барабаннымъ боемъ и зажженными факелами (158) и, наконецъ у туземцевъ Никобарскихъ острововъ—шумомъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ у этихъ послѣднихъ такъ прекрасно иллюстрируетъ вѣрованье первобытнаго человѣка въ материальность злыхъ духовъ и такъ поразительно близокъ къ черемисскому обряду, что мы позволимъ себѣ разсказать о немъ передать здѣсь цѣликомъ:

„Однъ разъ въ году..., они строятъ большой членокъ, „миндовенъ“, или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ членокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ членокъ, при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобар-

скіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотою), послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, членокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей" (159).

Этотъ рядъ фактовъ доказываетъ намъ, что вѣра въ возможность изгнанія бѣсовъ приемами, употребляющимися у нашихъ восточныхъ инородцевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Если затѣмъ мы обратимся къ этнографическому материалу другихъ народовъ земного шара, то найдемъ новый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что разные народы, продѣливая периодически рядъ такихъ же приемовъ, какъ черемисы, цѣль ихъ объясняютъ вѣсколько иначе. Такъ въ Голландіи и въ Германіи стрѣльбой прогоняютъ колдуній (160). Ломжинскіе поляки разведеніемъ костровъ предохраняютъ себя отъ чаръ колдуній (161). Тульскіе великороссы прыганьемъ черезъ огонь отгоняютъ болѣзни и призоры (162). Кашубы (славянское племя) адскимъ шумомъ прогоняютъ старый годъ (163), а калифорнскіе индѣйцы ежегодно изгоняютъ духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіе года (164) и т. д.

Можно было бы перечислить здѣсь цѣлый рядъ народовъ, сохранившихъ у себя такіе же обряды, какіе мы видѣли при „изгнаніи бѣсовъ“, но цѣли, съ которыми совершаются эти обряды варьируются до безконечности. Одинъ народъ желаетъ предохранить себя отъ какого-либо особенно вреднаго, злого духа, другой думаетъ избавиться отъ какой-либо специальной болѣзни, третій — отъ дикихъ звѣрей, града, молніи или неурожая, одинъ совершаетъ обрядъ для того, чтобы земля была плодороднѣе или чтобы былъ урожай, другой чтобы у женщинъ были легкіе роды или чтобы вѣдьмы не отирали молока и т. д. Но при всемъ разнообразіи этихъ цѣлей въ нихъ видна одна общая мысль, что совершеніе обряда избавляетъ человѣка отъ зла, а зло представляется какъ бы въ видѣ живаго существа, на которое дѣствуютъ одни и тѣ же устрашающіе приемы.

Наконецъ у многихъ народовъ цѣль periodического совершеннія обряда уже давно забыта, а онъ все-таки повторяется изъ года въ годъ въ силу многовѣковой привычки, во исполненіе дѣдовскихъ преданій или просто для развлечения.

Что касается приемовъ, изъ которыхъ обрядъ состоитъ, то они также разнообразны до безконечности, но сводятся въ общемъ въ слѣдующимъ:

- 1) Огонь въ различныхъ видахъ, какъ-то: костры, пылающія деревья, зажженные факелы, смоляные бочки, горящія колеса, тлѣющія головки, прыганье черезъ огонь, бѣганье вокругъ огня и т. д.; 2) вода, въ которой купаются, или которую обливаютъ и опрыскиваютъ; 3) травы и разныя растенія, издающія запахъ то въ свѣжемъ видѣ, то при сжиганіи на

оги, то действующія своимъ прикосновеніемъ, то самымъ своимъ присутствіемъ; 4) шумы всякаго рода, крики, пѣніе, игра на всевозможныхъ музикальныхъ инструментахъ, выстрѣлы, бряцаніе оружіемъ; 5) магическіе жесты, магические возгласы, магическая формулы, наговоры и молитвы; 6) быстрыя движенія всякаго рода: скаканіе на лошадахъ, бѣганье, пляска; 7) обхаживаніе вокругъ извѣстнаго мѣста, очерчиваніе его заколдованнымъ кругомъ и 8) удары и маханія по воздуху, кнутами, бичами, прутьями, палками и всякаго рода оружіемъ, по землѣ, по постройкамъ и даже по людямъ. Количество такихъ приемовъ въ обрядѣ и ихъ сочетанія между собой разнообразятся также до безконечности, начиная съ одного какого-либо изъ нихъ и кончая самой сложной комбинаціей всевозможныхъ приемовъ.

Расширяя еще болѣе область нашихъ изслѣдованій, мы увидимъ, что интересующій насъ обрядъ совершается не только періодически, но даже и безъ всякой періодичности въ разные болѣе или менѣе важные моменты человѣческой жизни, при которыхъ предполагается или предполагалась прежде возможность вреда со стороны нечистой силы.

Къ періодическимъ обрядамъ относятся: кроме „изгнанія бѣсовъ“ наше празднованіе Ивана Купала, польскія собутки, западно-европейскіе огни Ивановскіе, Петровскіе, Пасхальные, Рождественскіе и т. под.

Къ случайнымъ же или экстраординарнымъ принадлежать: такъ называемыя „опахиванья“, совершаemыя для предохраненія людей или домашнихъ животныхъ отъ эпидемическихъ болѣзней, обряды для отогнанія грозовыхъ тучъ, обряды во время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, обряды, совершаemые для предохраненія отъ злыхъ духовъ роженицы и новорожденнаго, новобрачныхъ на свадьбѣ, больного во время его болѣзни, покойника во время похоронъ и т. п.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что перечисленными здѣсь приемами, служащими для отогнанія нечистой силы, сопровождаются также всякаго рода богослуженія у всѣхъ народовъ земного шара, то увидимъ, что нѣть почти ни одного болѣе или менѣе важнаго момента въ жизни народной и въ жизни отдѣльного человѣка отъ его рожденія и до могилы, гдѣ бы не имѣли мѣста рассматриваемые нами обряды, имѣвшіе когда-то своей цѣлью „изгнаніе бѣсовъ“.

Само собою разумѣется, что при своей обширной распространенности и при своей универсальности, какъ средство въ борьбѣ со всякаго рода зломъ, обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ сравнительно рѣдко встрѣчается въ томъ чистомъ видѣ, какъ мы его находимъ у нашихъ восточныхъ инородцевъ; обыкновенно онъ входитъ въ комбинаціи со всевозможными культурами, когда либо бывшими у человѣчества, а въ огромной массѣ случаевъ является даже просто риту-

адомъ, которымъ человѣчество на каждомъ шагу сопровождаетъ всевозможный свои дѣйствія, имѣющія отношенія къ религіи.

Отсюда ясно, что разсмотрѣть приводимый нами обрядъ въ настоящемъ очеркѣ, сколько нибудь обстоятельно нѣтъ никакой возможности. Если же мы здѣсь заговорили о немъ, то только для того, чтобы освѣтить рядъ обычаевъ съ трубами, которые мы намѣреваемся здѣсь привести, выяснить себѣ ихъ значеніе въ народной жизни и связь ихъ между собою, указывающую на общность ихъ происхожденія. Придерживаясь принятаго нами порядка, мы обратимся прежде всего къ обычаямъ, повторяющимся периодически; ихъ можно подраздѣлить: 1) на такие, которые справлялись или справляются въ весеннее полугодіе, т. е. въ періодъ времени отъ зимняго солнцестоянія до лѣтняго и 2) такие, которые приходятся на осеннее полугодіе отъ лѣтняго солнцестоянія до зимняго. Къ первымъ надо отнести слѣдующіе:

Въ древнемъ Римѣ 1-го Марта, въ день празднества Марсу, саліп (служители бога войны) въ полномъ вооруженіи танцевали подъ звуки трубы и при этомъ ударяли копьями по священнымъ щитамъ (165). Здѣсь приемы, употребительные при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ“, какъ-то: удары оружіемъ, шумъ, пляска и звуки трубы, повидимому, не имѣютъ самостоятельного значенія, а являются только въ видѣ ритуала къ культу бога войны.

Быть можетъ, подобное же значеніе имѣли они когда-нибудь и въ обычай современныхъ французскихъ крестьянъ (въ провинціяхъ Артуа и Булонь) разводить костры на горахъ въ первое воскресенье великаго поста (Сагеме), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ не сохранилось слѣдовъ какого-либо культа, а потому обычай въ общемъ и въ деталяхъ весьма близокъ къ черемисскому обряду „изгнанія бѣсовъ“. Праздникъ начинается съ того, что дѣти обоего пола сходятся въ назначенное мѣсто и оттуда отправляются по деревнямъ для сбора горючаго матеріяла, причемъ даютъ знать о своемъ прибытіи трубными звуками. Вечеромъ разводятся костры на горахъ, и всѣ, отъ мала до велика, собравшись около костровъ, пляшутъ, кричатъ, трубятъ въ трубы и стрѣляютъ изъ револьверовъ. Цѣль, для которой совершается этотъ обычай, уже забыта, но, повидимому, онъ принадлежитъ къ числу весьма древнихъ, такъ какъ о существованіи такого обычая въ Пикардіи и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи въ 13 и 14 столѣтіяхъ сохранились историческая свидѣтельства (166).

Въ Англіи есть такъ—называемый „праздникъ плуга“, устраиваемый ежегодно въ первый понедѣльникъ послѣ Крещенія. Подробности этого праздника видоизменяются въ зависимости отъ мѣстности, но въ общихъ чертахъ онъ состоить въ томъ, что нѣсколько молодыхъ людей, увѣшанныхъ

разноцвѣтными ленточками, волокутъ отъ дома до дома плугъ, сопровождаемые музыкой и толпой товарищь, одѣтыхъ молотильщиками, жнецами, кузнецами, мельниками, шутами и т. под. Эта веселая процессія, кромѣ музыки, сопровождается криками, щелканьемъ бичей и пронзительными звуками воловьихъ роговъ (167).

Здѣсь разнаго рода шумы, производимые процессіей, напоминаютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ“, что же касается плуга, то по всей вѣроятности въ древнія времена его не волокли отъ дома къ дому, а опахивали имъ селеніе, какъ это дѣлается у насть въ Россіи во время скотскихъ эпидемій, для изгнанія „коровьей смерти“ съ той только разницей, что у насть этимъ дѣломъ занимаются женщины.

Кромѣ того въ Англіи же въ Финистерѣ (Lands End) и въ Оксфордѣ, ежегодно, въ первые дни мая мѣсяца молодые люди трубятъ въ рогъ, а девушки въ это время плетутъ себѣ вѣнки. Говорять, что это очень древній обычай въ честь Тарана или Тракко, бога лѣта у древнихъ британцевъ (169).

Въ Швеціи тотъ день, когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, съ незапамятныхъ временъ считается большимъ праздникомъ. Онъ приходится каждый годъ въ различные числа, смотря по погодѣ, но чаще всего около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надѣясь предохранить такимъ образомъ скотъ отъ дикихъ звѣрей. Въ тоже время деревенскіе парни всю ночь разъѣзжаютъ по лѣсу, стрѣляютъ изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ (170). У древнихъ литовцевъ былъ также пастушескій праздникъ подъ названіемъ Sekmine, который приходился около половины мая и также сопровождался игрою на трубѣ (171).

У поляковъ галицкіихъ, въ окрестностяхъ города Кракова, справлялся прежде обычай, известный подъ именемъ „Коника Звѣжинецкаго“. Во второй четвергъ праздника „Божьяго тѣла“ (въ іюнѣ мѣсяцѣ) человѣкъ, замаскированный всадникомъ, на конѣ, сдѣланномъ изъ палокъ и тряпокъ, и одѣтый по татарски въ желтыхъ сапогахъ и съ будавою,ѣздилъ подъ звуки музыки: трубѣ и литаврѣ (172). Исторического значенія этому обычаю нельзя придавать, такъ какъ безъ татарского костюма онъ соблюдался и у поляковъ Ропчицкаго уѣзда (въ Галиціи же) на остатки или бекусы (т. е. въ послѣдніе дни масляницы). Тамъ молодой человѣкъ, также замаскированный всадникомъ и также на искусственномъ конѣ,ѣздилъ улицей села и трубитъ, останавливаясь подъ окнами хозяевъ, чтобы получить отъ нихъ какой нибудь подарокъ (173).

Въ Царствѣ польскомъ въ городѣ Гродискѣ Блонскаго уѣзда Варшав-

ской губ. въ ночь на Ивана Купала костровъ не жгутъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, но молодые парни бѣгаютъ по городу съ зажженными факелами и трубятъ въ деревянные трубы.

Вотъ и все, что мы могли подыскать въ литературѣ и собрать записью отъ народа объ обычай трубить ежегодно въ весеннее полугодіе.

Въ осеннее полугодіе этотъ обычай наблюдается также у многихъ европейскихъ народовъ.

Такъ у венгровъ есть вѣрованье, что въ день Св. Лѣтіи, 13 декабря, колдуны рыскаютъ повсюду, а потому во многихъ мѣстностяхъ Венгрии въ этотъ день пастухи ходятъ вокругъ деревень съ трубами въ увѣренности, что звуки этихъ инструментовъ разгоняютъ вѣдьмъ (174).

У чеховъ въ Брезницѣ Писецкаго округа, какъ намъ передавалъ профессоръ Варшавскаго Университета, Ф. И. Езбера, происходящій родомъ изъ названной мѣстности, пастухи, наканунѣ Рождества ходятъ подъ окнами домовъ и трубятъ въ трубы, за что получаютъ отъ хозяевъ мелкія деньги и v醘osky (особаго рода булки).

Совершенно подобный же обычай существуетъ и у галицкихъ гуцоловъ; тамъ рождественскія коляды сопровождаются игрою на трубахъ (175).

Кромѣ того трубленіе въ осеннее полугодіе совершается у поляковъ Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, у русскихъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у литовцевъ, у современныхъ евреевъ, у черемисъ и у мингрельцевъ. Но мы имѣемъ относительно обычая этихъ народовъ такой обильный матеріялъ, что помѣщаемъ его ниже, въ отдельной главѣ.

Въ Тибетѣ, кромѣ того, что трубленіемъ въ морскія раковины встречаютъ Новый годъ, празднующійся въ зимнее время (176), существуетъ еще обычай ежемѣсячнаго изгнанія бѣсовъ. „Въ былое время, говорятъ тибетцы, „бѣсы часто появлялись въ нашей странѣ; люди и животные отъ нихъ заболѣвали, коровы не давали молока; они пробирались даже въ кельи тамъ и нарушали храмовое пѣніе. Ночью они толпами собирались въ близкомъ оврагѣ, кричали и стонали не человѣческимъ голосомъ. Наконецъ, одинъ благочестивый монахъ придумалъ, ночная молитвы и съ тѣхъ поръ не стало болѣе злыхъ духовъ“. И вотъ такого рода молитвы повторяются въ Тибетѣ 28-го числа каждого мѣсяца. На всѣхъ домахъ укрѣпляются на шестахъ красные фонари; ламы, одѣтые по праздничному, сидѣть на крышахъ домовъ и поютъ молитвы, а такъ какъ въ молебствіи непремѣнно должны участвовать всѣ ламы, то число ихъ иногда доходитъ до 4000 человѣкъ. Вдругъ пѣніе на крышахъ умолкаетъ и раздаются звуки трубъ, ударяютъ въ колокола, слышатся протяжные звуки морскихъ раковинъ, бьютъ въ барабаны,

все это въ дикомъ безпорядкѣ и съ тремя промежутками. Къ тому же всѣ ламы вдругъ начинаютъ ревѣть какъ дикие звѣри и поднимаютъ несносный крикъ. Этимъ и кончается молебствіе; фонари тухнутъ, ламы возвращаются въ кельи и все опять успокаивается (177).

B. Мошковъ.

(Продолженіе будетъ).

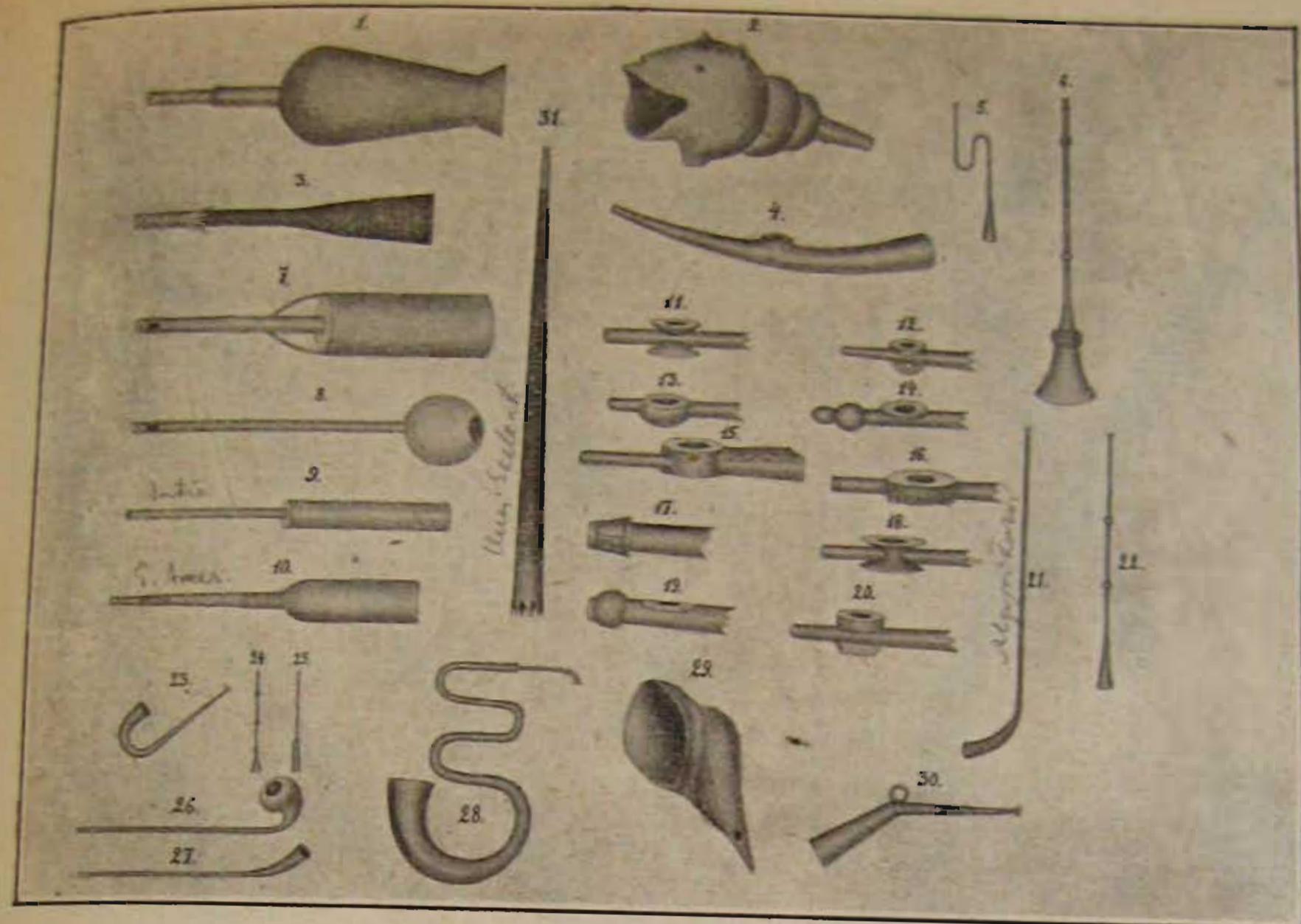

Таблица I.

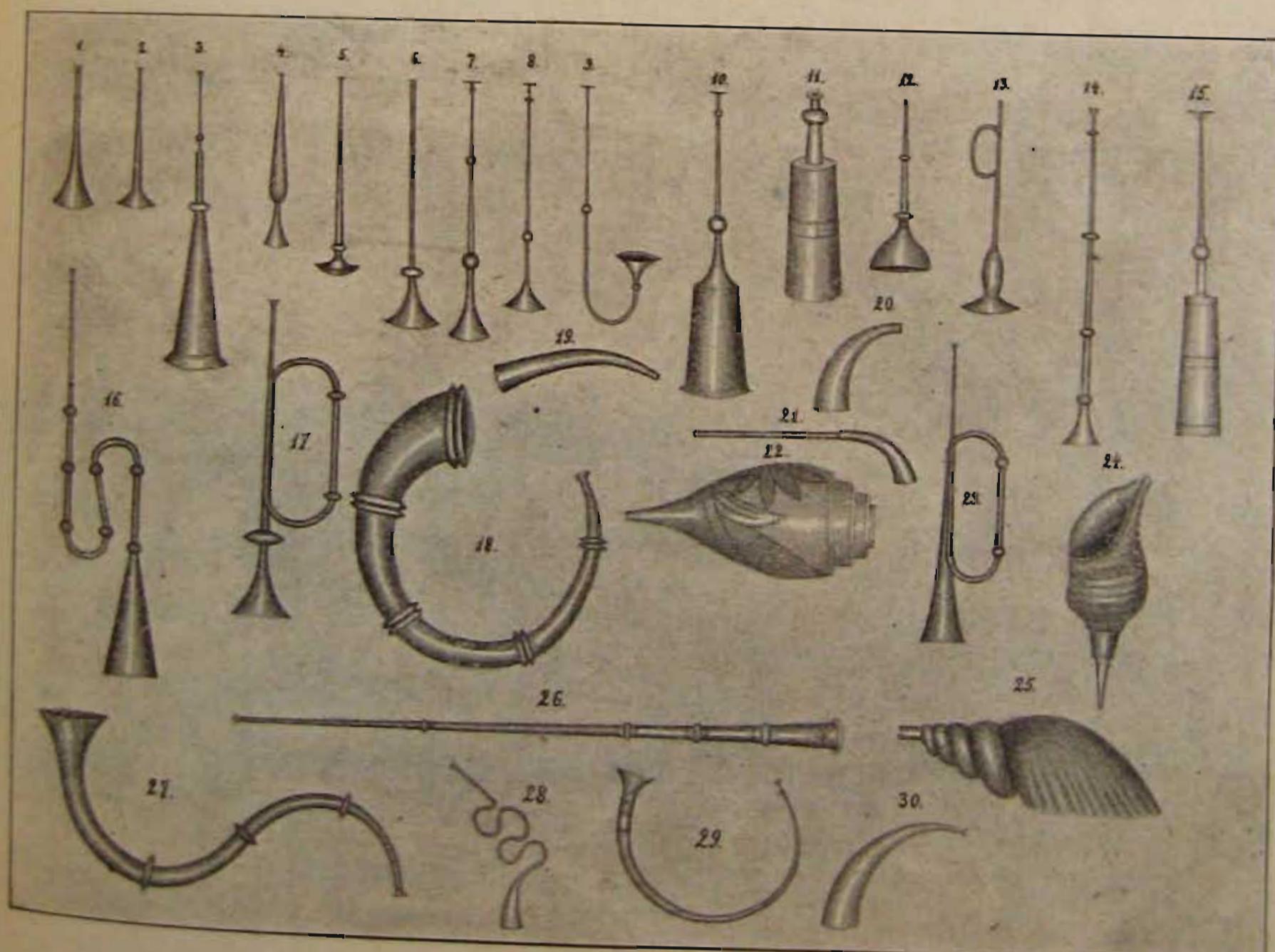

Таблица II.

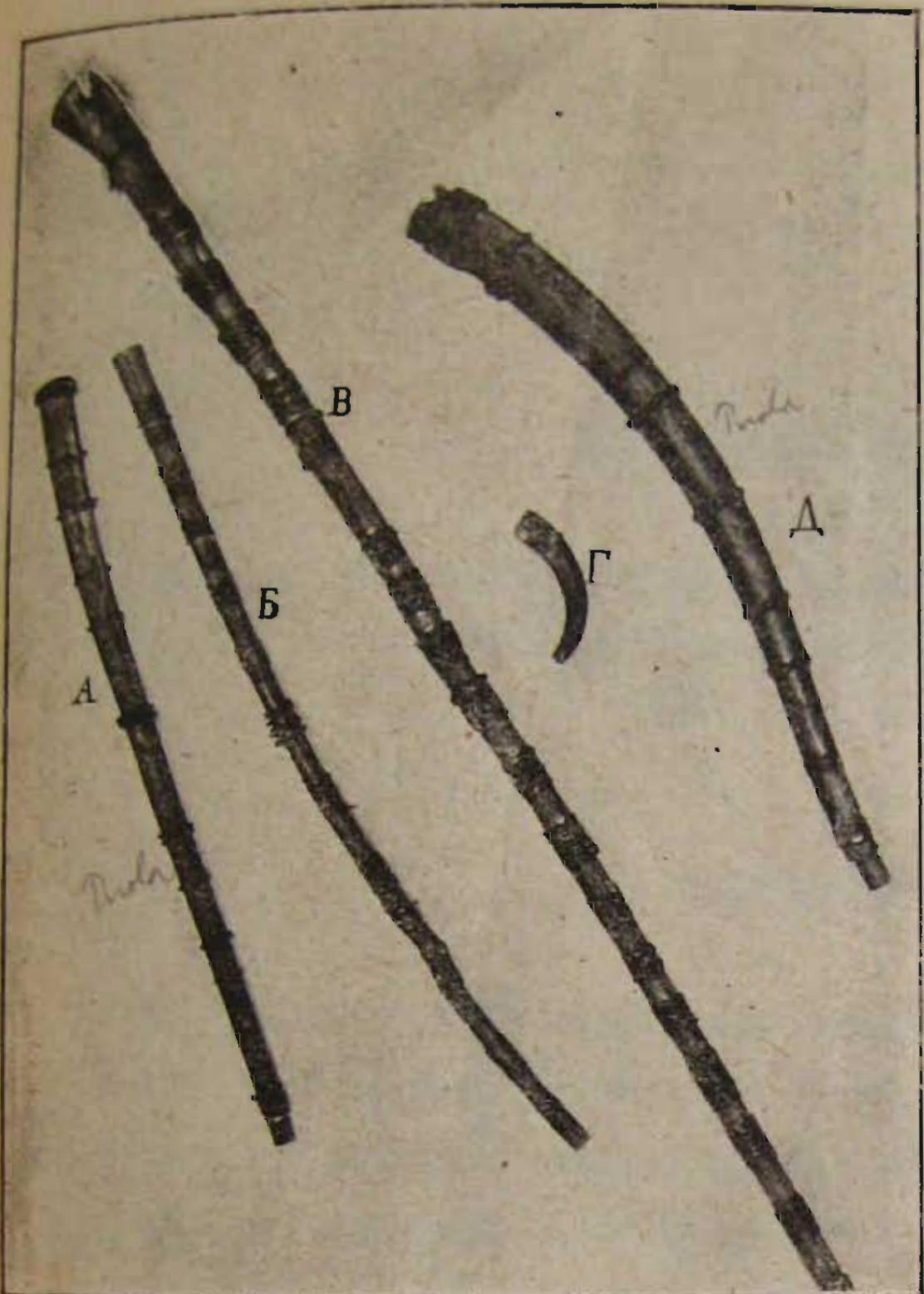

Таблица III.

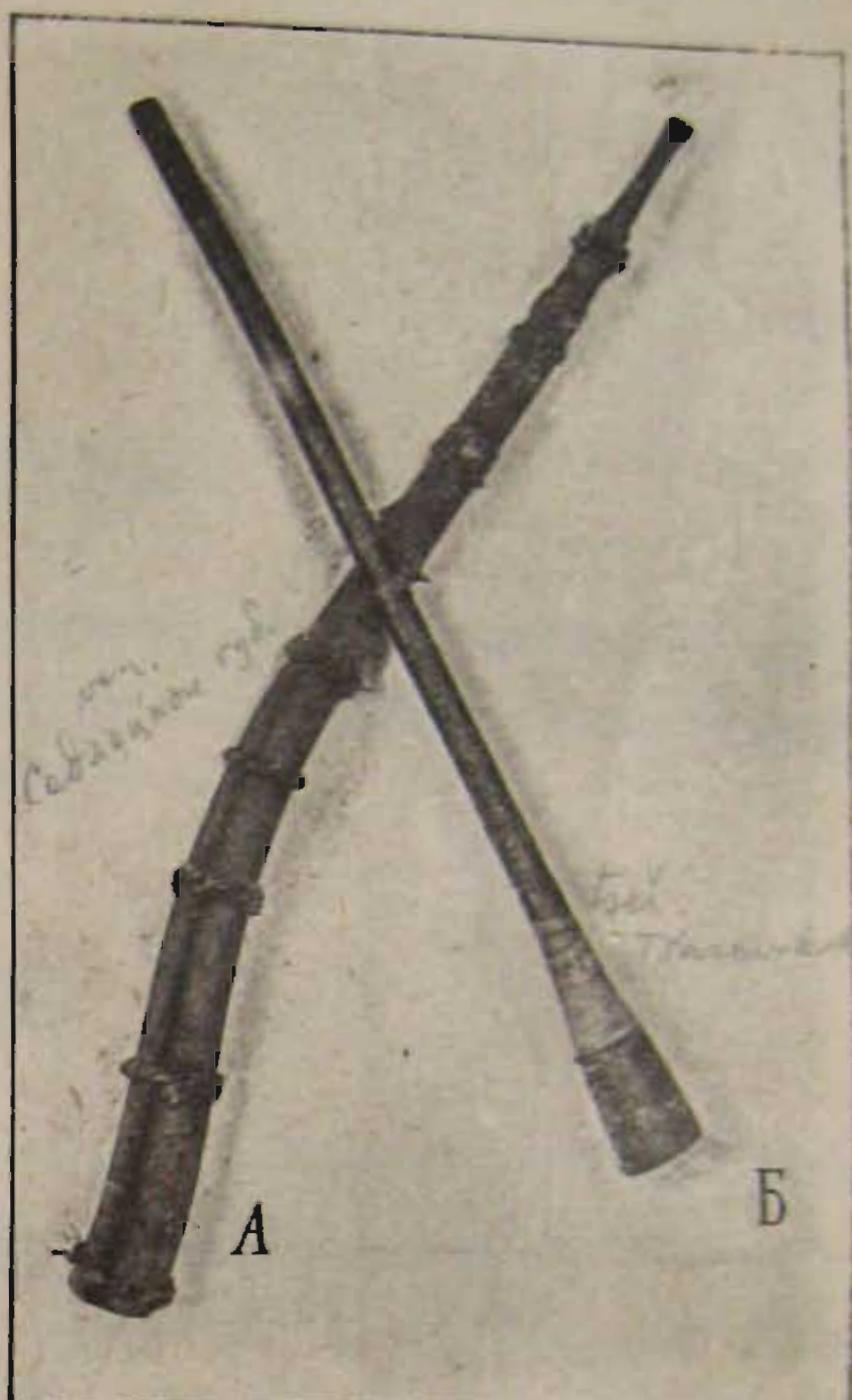

Таблица IV.

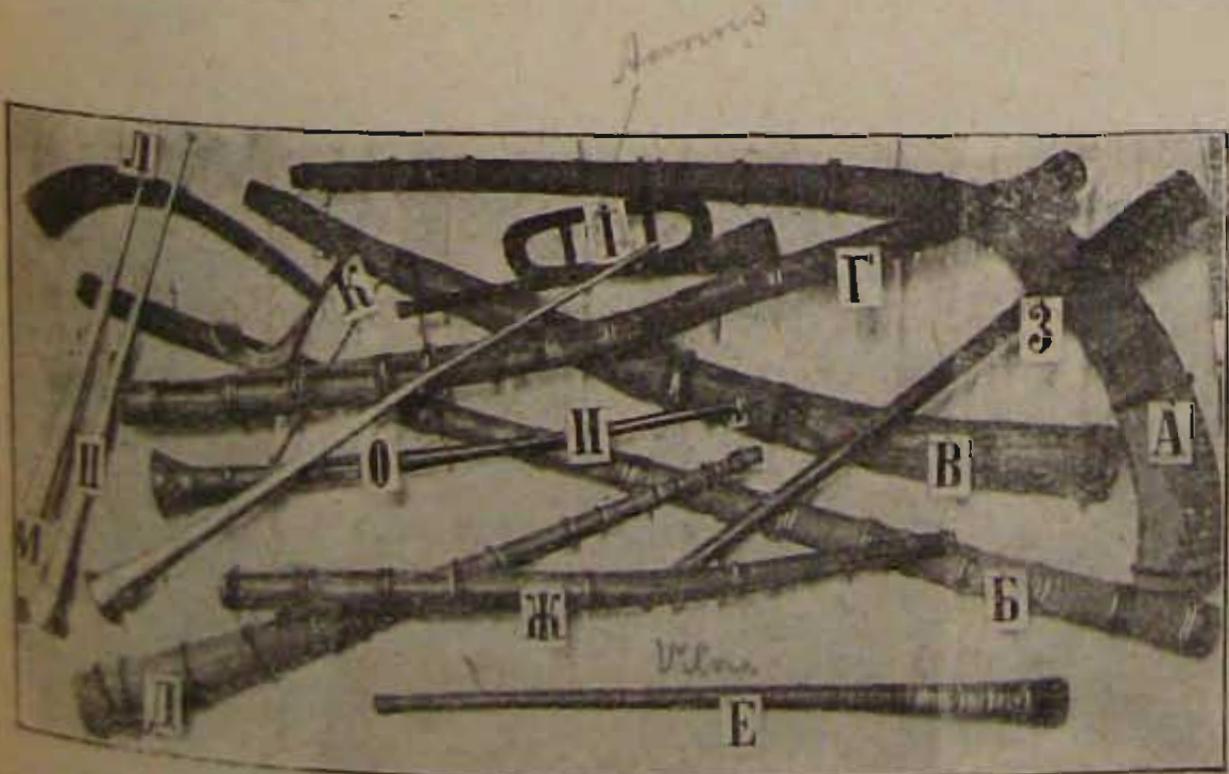

Таблица V.

Таблица VI.